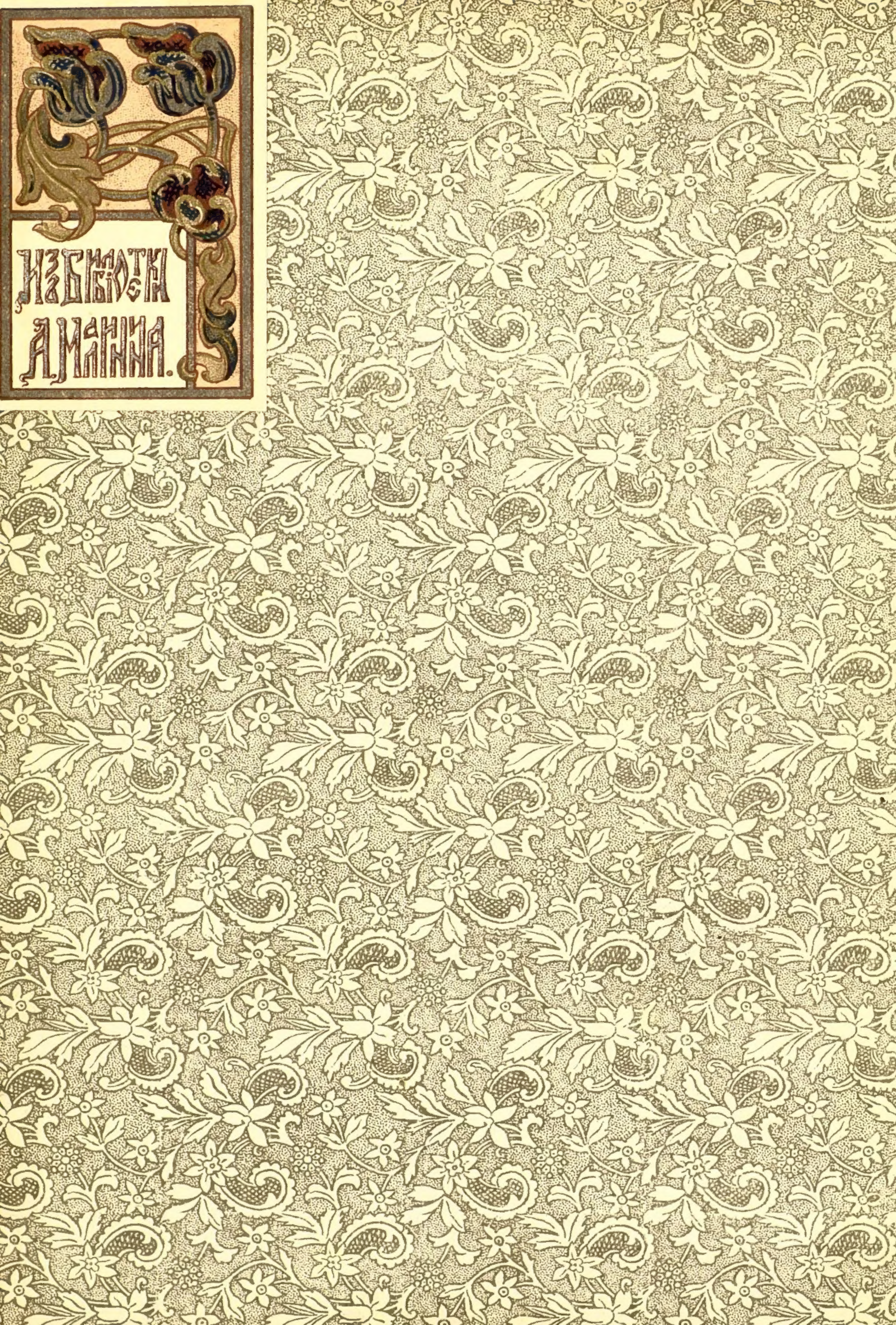
D16 X/25


ИЗ БИБЛІОТЕКИ
А. МАННА.

3r

Д16
215

О

ПРОИСХОЖДЕНІИ

ВАРЯГЪ-РУСИ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Дювернуа.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1862.

2 экз

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
583244

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1859—61 г.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ „ВАРЯГЪ-РУСИ.“

ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

1. ИСТОЧНИКИ ЗАПАДНЫЕ.

Г. Крузе въ своемъ «Chronicon Nordmannorum» (pp. 39 — 41) открываетъ извѣстія о племени «Rus» извѣстіемъ Chron. Moissiacensis подъ 804 годомъ, которое у Перца I, p. 307, читается слѣдующимъ образомъ:.... «et deinde misit imperator scaras suas in Wimodia et in Hostingabi et in Rosogavi, ut illam gentem foras patriam transduceret; nec non et illos Saxones, qui ultra Albiam erant, transduxit foras, et divisit eos in regnum suum ubi voluit.»

Саксонская мѣстность, на которой появляется здѣсь имя «Rosogavi,» даетъ весьма опредѣленный смыслъ этому мѣсту. Мы рѣшительно не находимъ основанія смотрѣть на приведенныя три мѣстности, какъ на не Саксонскія, и удивляться этому призрачному противуположенію, какъ то дѣлаетъ г. Крузе (p. 39). Обитатели трехъ этѣхъ мѣстностей весьма ясно противополагаются «Saxonibus Transalbianis», которые весьма ясно отличаются отъ всѣхъ остальныхъ Саксонцевъ и называются средне-вѣковыми хронистами Nordalbingi, Nordliudi (Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, S. 395). И потому, думаемъ мы, напрасно старается г. Крузе порѣзче оттѣнить этѣ три мѣстности и отодвинуть ихъ на сѣверъ въ пользу слога Ros въ собственномъ имени Rosogavi. Мѣсто ясно говоритъ, что Карлъ Великій послалъ «отрядъ воиновъ» [1] въ Саксонскія три названныя мѣстности для выселенія ихъ жителей изъ родины (foras patriam); при этомъ спи-

[1] Scaras. См. Ducange, Gloss. mediae et infimae latinitatis, t. VI, p. 96., гдѣ значеніе этого слова совершенно уясняется слѣдующимъ мѣстомъ Гинкмарова окружнаго посланія: «bellatorum acies, quas vulgari sermone Scaras vocamus.»

сатель хроники прибавляетъ: «nec non et illos Saxones, qui ultra Albiam erant,» etc., разумѣя при этомъ, что и выше названныя мѣстности населены Саксонцами, но чувствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужду въ болѣе тѣсномъ опредѣленіи перехода войскъ, потому что по ту сторону Эльбы живущіе Саксонцы отличались замѣтною для средневѣковыхъ хронистовъ особенностью, смѣшанностью съ Фризами (Zeuss, l. c.). А положеніе Вимодіи извѣстно: согласно съ новѣйшими атласами, его опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ издатель Chron. Moissiacensis у Перца I, p. 307, adnot. 48: «pagi Wimodia, Hostingabi, Rosogavi in regni Hannoverani, ducatu Bremensi, ad Wisaram et Wummam, Hostam, seu Ostam, et circa Rosofeldum sive Harsefeldum siti erant.» Слѣдовательно, мы имѣемъ въ этомъ извѣстіи весьма опредѣленное указаніе на двѣ различныя Саксонскія мѣстности, которыя, какъ такія, отдѣльно другъ отъ друга названы авторомъ Chron. Moiss. [1] Г. Крузе продолжаетъ удивляться (p.39): «conferentibus autem ea, quae dicit cum caeteris auctoribus, facile elucebit, non credendum esse, omnes incolas Wimodiae et Hostingabi abductos esse.» Но, прежде всего, слова «omnes» въ этомъ мѣстѣ хроники г. Крузе не найдетъ, а, на оборотъ, въ другихъ хроникахъ есть, дѣйствительно, такого рода извѣстія, почитаемыя изслѣдователями преувеличенными. На пр., у Эйнгарда читаемъ подъ 804 г. (Pertz, I, p. 191): «aestate in Saxoniam ducto exercitu, omnes, qui trans Albiam et in Wihmuodi habitabant, Saxones.... transtulit in Franciam» (Cf. Zeuss, p. 397). На этихъ уже основаніяхъ, не считая себя въ правѣ соглашаться съ г. Крузе, я нахожу рѣшительно не методичнымъ его отношеніе къ филологической сторонѣ вопроса. Увлекшись созвучіемъ, сочинитель прошелъ ее молчаніемъ. Остерегаясь призрачности заключеній, разберемъ филологическое содержаніе хроники, т. е., остановимся на состояніи фонетики въ Нѣмецкихъ собственныхъ именахъ, по существующимъ и извѣстнымъ рукописямъ хроники, и на этомъ основаніи установимъ значеніе «Rosogavi».

---

[1] Эта опредѣленность согласна и съ общимъ характеромъ всѣхъ извѣстій Chron. Moiss. (Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, S. 118—119). Какъ видно, составители ея хорошо знали Полабскую сторону. Не говоря о Нѣмецкихъ, и Славянскія извѣстія этой хроники весьма драгоцѣнны. См. ихъ оцѣнку у Шафарика Slow. Star., str. 843 — 847, и Палацкаго въ Čas. Čes. Mus. 1835, sw. 3, 1 и 2 примѣч къ стр. 320, 4 къ стр. 321; стр. 322—323, прим. 4.

Правописьсобственныхъ именъ хроники, обличающая современную фонетику языка, возводитъ въ глубокую древность древне-верхне-Нѣмецкаго языка, удерживавшихъ тогда еще нѣкоторые остатки Готской старины, съ теченіемъ времени имъ утраченные. Находимъ уже въ ней перегласовку *a* въ *e* по вліянію *i* слѣдующаго слога: Heribertus (Pertz. I, p. 289, 29), Heristelli (p. 303, 16); находимъ ослабленіе *a* въ *e*, и не условливаемое этимъ вліяніемъ Reganesburg (p. 299, 26, 42; p. 300, 4, 14), Ragnarius (290, 12, var. ll. reganarius, raganarius). Но наряду съ этими явленіями встрѣчаемъ не только heristalli, но и haristallo (p. 303, 18), Raganesburg (p. 298, 27). Встрѣчаемъ не только неперегласованныя формы Aribertus (p. 285, 34), но и такія, которыя указываютъ путь, которымъ языкъ дошелъ отъ формъ неперегласованныхъ къ перегласованнымъ—Airibertus (p. 286, 33—34). Эти формы представляютъ древнѣйшій видъ имени Heribertus, ибо начинающая h часто опускается (напр., Heresburg, p. 304, 4, var. l. Eresburg 1). Дифтонгъ ou, родившійся на древне-в.-Нѣм. почвѣ (вм. *áu*), уже встрѣчается, какъ то Ruotrudis (p. 297, 4); но *ei*, если не обманываетъ меня мое вниманіе, вовсе не попадается, а, напротивъ того, встрѣчаемъ обиліе случаевъ употребленія чисто Готскаго дифтонга *ai*, чуждаго, по мнѣнію Я. Гримма, нарѣчію древне-в.-Нѣмецкому (D. Gr. I, S. 98—99). Помня увѣщаніе Гримма, изложенное въ сейчасъ приведенномъ мѣстѣ, мы удержимся отъ того, чтобы воспользоваться этою чертою фонетики и, въ силу ея позднѣйшаго значенія, приписать происхожденіе рукописей нашей хроники Баварской мѣстности. Напротивъ, весь фонетическій матеріялъ ихъ отсылаетъ насъ къ глубокой древности древне-в.-Нѣмецкаго нарѣчія, въ которой мѣстныя его развѣтвленія наслѣдить еще невозможно. И такъ, вотъ эти почтенные остатки Готской старины: Alpaigde (p. 288, 26), Waifarius (p. 294, 23), Haistulphus (p. 292, 42), Laurishaim (p. 296), Ingolunhaim (p. 298, 19). Кромѣ *ou*, представляются и другіе дифтонги, развившіеся изъ u, свойственные древне-в.-Нѣмецкому нарѣчію, какъ то *eu*, *co* (Grimm, D. Gr. I, S. 102, 106): Leudesium (p. 288, 12), Leodesius (p. 288, 18, 20, 21) и пр., хотя гораздо чаще удерживается Готскій дифтонгъ *iu*. Тѣ же черты древне-в.-Нѣмецкаго нарѣчія встрѣчаемъ и въ согласныхъ, какъ-то обращеніе *th* въ d: Duringa (p. 308, 9; i. e., Thuringia. Cf. Zeuss, Die Deutschen u. s. w. S. 354), Radhbode

(S. 290, 22), сличенное съ разнорѣчіемъ rathbode и пр. Замѣтимъ еще черту древности словообразовательную: p. 300, 39, 39 наряду употреблены 2 формы: Franconefurt и Francofurt, изъ которыхъ первая весьма любопытна формою сложенія furt съ род. пад. мн. ч.

Представивши точную характеристику фонетики памятника, обратимся къ Rosogavi. Беремъ его, въ интересахъ безпристрастія и объективности, какъ субъектъ чисто и исключительно филологическій, и судимъ о немъ въ предѣлахъ данныхъ условій, представляемыхъ филологическимъ состояніемъ рукописей хроники. Онѣ даютъ намъ два собственныхъ имени, представляющихъ сходство въ построеніи съ именемъ Rosogavi: Riusteri (p. 298, 17) и Rotgault (p. 296, 6). Первое изъ этихъ именъ по древней правописи должно писаться Hriustri, и дѣйствительно такъ пишется и въ отдѣльномъ своемъ употребленіи и въ сложномъ съ предлогами ûp и ût — Uphriustri, Uthriustri (Cf. Grimm, Gesch. der D. Spr. II, S. 471 [678]). Отбрасываніе гортаннаго придыханія началось еще въ IX вѣкѣ, по свидѣтельству Гримма (D. Gr. I, S. 195). Весьма вѣроятно, что правопись Rosogavi. согласно язычному состоянію рукописей хроники, употреблено здѣсь вмѣсто Hrosogavi. Такое предположеніе совершенно согласно состоянію рукописей. Наконечное слово gavi понятно—gaue. Roso (вмѣсто Hroso) я произвожу слѣдующимъ образомъ: Гот. hrot (п. στέγη, δῶμα; [1] Löbe und Gabelentz, Ulfila. Gloss. S. 67), несправедливо сличаемое составителями Глоссарія къ Ульфилѣ съ Англо-Саксон. и древне-Фризскимъ hrof, по Гримму въ древне-в.-Нѣмецкомъ нарѣчіи перешло, согласно древне-Нѣмецкой перезвуковкѣ согласныхъ, въ hruoz, ruoz, что принимаетъ и Диффенбахъ (Vergl. Wörterbuch der Goth. Spr. II, S. 592). Совершенно согласно съ архаическимъ состояніемъ языка рукописей хроники предполагаемъ, что въ Roso — t еще не перешло въ z, согласно обычаю древне-в.-Нѣмецкаго нарѣчія, также какъ и Гот. gavi не перешло въ немъ въ kouwi древне-в.-Нѣм., а удержалось на той ступени, въ которой мы находимъ у Тацита собственное имя chasuari вм.

---

[1] Matth, X, 27:... jah thatei în auso gahauseith, merjaith ana hrotam (L—G. S. 17), О. Е. изд. Востокова л. 234: **и ѥже къ оуχо слышасте, проповѣдите на кровѣхъ** (*καὶ ὃ τὸ οὖς ἀκούετε, κηρύξατε ἐπὶ τῶν δωμάτων*).

Chattuarii (позже—Cha33; Grimm, D. Gr. I, S. 172), что найдетъ себѣ аналогію въ выше приведенномъ Rotgault (p. 296, 6), гдѣ Rot—(Hrot) удерживается на степени Готской старины. Названія же съ значеніемъ дома, кровли, башни, двора весьма нерѣдки, о чемъ см. Pott, Ueber die Personennamen, S. 353 — 356. [1] Изъ всего явствуетъ, что имя Rosogavi, чисто Готское, возникло на почвѣ прастараго Нѣмецкаго поселенія, съ сѣвернымъ ничего общаго не имѣющаго. Притомъ замѣтимъ, что между Англо-Саксами и Скандинавами не только нѣтъ областнаго раздѣленія на gawi, но и нарѣчія Англо-Саксонское и древне-Сѣверное не имѣютъ вовсе этого слова и замѣняютъ его другими (Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, S. 496). [2]

Древнѣйшее западное свидѣтельство о Руси, оправдываемое критикой, есть извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей подъ 839 г.

Трудно найти древнее свидѣтельство, смыслъ котораго былъ бы глубже исчерпанъ и обильнѣе снабженъ экзегетическимъ и сравнительнымъ аппаратомъ! Чтеніе этого мѣста со стороны филологической критики никѣмъ не заподозрѣно и не искушено никакими догадками со стороны его многочисленныхъ толкователей; оно стоитъ твердо, неизмѣнно съ Байера, приводившаго его по изданію Дюшеня, до Перца. Необходимо, прежде нежели приняться за объяснительный аппаратъ мѣста, отдать себѣ возможно строгій грамматическій или, точнѣе, синтаксическій отчетъ въ языкомъ построеніи этого мѣста. По преимуществу нуждается въ немъ начало извѣстія Бертинскихъ лѣтописей. Сообщивши составъ посольства Императора Θеофила къ Людовику Благочестивому въ Ingolunheim и цѣль его, писатель продолжаетъ: «Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus, vocabula ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat».... Кругъ, особенно обогатившій и осложнившій экзегезу этого мѣста, такъ понимаетъ его синтаксисъ (Forschungen., I, S. 165): «Die Fremden sagen, ihr Volk werde Rhos

---

[1] Я вовсе не настаиваю на этомъ производствѣ, и предлагаю его лишь для болѣе яркаго освѣщенія древности его, держась весьма строго условій критическихъ.

[2] Я долго остановился на мнѣніи г. Круэе потому, что оно осталось не безъ вліянія на послѣдующихъ ученыхъ. Такъ г. Погодинъ (II, стр 158—160) не только принимаетъ его, но и старается вести дальше.

genannt. Von wen es so genannt werde, melden sie nicht. Da aber unmittelbar auf diese Worte folgt: «welche ihr Koenig, Chacan geheissen, an ihn gesendet habe, und die *er* bitte, gütig aufzunehmen,» u. s. w., so scheint es, als ob jener Name ihnen, von dem naemlichen Briefsteller beigelegt werde, der ihrem Koenige den Namen Chacan gibt: von dem Griechischen Kaiser Theophilus.»

Къ Ѳеофилу относится форма прошедшаго совершеннаго «misit,» и только; относительныя же предложенія «qui se»... «quos Rex».., конструкція которыхъ носитъ на себѣ характеръ чисто изъявительный, не состоятъ ни въ какой внутренней, мысленной связи съ главнымъ предложеніемъ «Misit (i. e., Imperator Theophilus), какъ ихъ хотѣлось понять Кругу, а составляютъ внѣшнія, фактическія опредѣленія къ неопредѣленному «quosdam», которое не было бы умѣстно, если понять мѣсто иначе. Что приводимое мѣсто не можетъ быть отрывкомъ изъ письма Ѳеофилова, ясно также изъ того, что въ слѣдъ за тѣмъ ясно и точно ссылается на нее хронистъ словами: «petens per memoratam epistolam» etc. За чѣмъ была бы приведена эта ссылка, если бы все мѣсто было заимствовано изъ посланія? Что касается до Кругова «ihn», напечатаннаго курсивомъ, относимаго имъ къ Императору Ѳеофилу, [1] то и оно не имѣетъ твердаго грамматическаго основанія: «Se и suus тогда только относятся къ подлежащему главнаго предложенія, когда зависимое предложеніе приводится, какъ мысль этого подлежащаго» [2] (Madwig, Lat. Sprachlehre, S. 463, § 490 c). А объ употребленіи возвратнаго мѣстоименія se въ среднихъ вѣкахъ достаточно выслушать слѣдующій увѣтъ Бенедиктинцевъ у Дюканжа (Gloss. med. et inf. lat., изд. 1846 г., VI, p. 146): «Se pro eum vel eos: sui pro ejus, vel illorum: suus, sua, suum, pro ejus, vell illorum, passim occurrunt in chartis, interdum et in scriptoribus medii aevi; quod monuisse sufficiat.» На этихъ основаніяхъ я противорѣчу Кругу и принимаю смыслъ мѣста такъ, какъ

---

[1] Это se дѣйствительно относится къ Ѳеофилу, но не на томъ основаніи, которое предлагаетъ Кругъ, не на томъ основаніи, что все это мѣсто заимствовано изъ его посланія, а на томъ, что se, по особенности средневѣковой синтаксиси, употребляется вмѣстѣ eum.

[2] Слѣдовательно, тогда придаточное предложеніе должно быть выражено или неопредѣленнымъ оборотомъ, или союзомъ, или мѣстоименіемъ съ сослаг. накл.

извлекаетъ его Эверсъ (Предварительныя критическія изслѣд. I, стр. 118; II, стр. 275), хотя и остаюсь весьма далекимъ отъ крайнихъ Эверсовыхъ заключеній: его пониманіе оказывается, по моему мнѣнію, состоятельнѣе въ грамматическомъ отношеніи. Итакъ: сами пришельцы назвали себя Rhos, желая скрыть свое происхожденіе, въ увѣренности, что это имя на Западѣ неизвѣстно. Они не ошиблись. По этому имени на Западѣ, въ Ingolunheim-ѣ, ихъ не могли узнать и стали развѣдывать. Оказалось, «по тщательнѣйшемъ развѣдываніи о причинѣ ихъ прибытія», что они происхожденія Норманскаго, «Suiones.» Возможность узнать ихъ была. За десять лѣтъ до Ѳеофилова посольства, въ 829 г. Людовикъ принималъ посольство Шведское, приведшее заявить, между прочимъ, о желаніи нѣкоторыхъ Шведовъ принять Христіянство. Отвѣтомъ было отправленіе къ нимъ Анскарія. Такъ свидѣтельствуетъ житіе Анскарія, списанное Римбертомъ (ум. 888), составляющее чистый и обильный источникъ познаній о древнемъ Сѣверѣ, которымъ много пользовался Адамъ Бременскій. Фактъ, слѣдовательно, ясенъ, и нѣтъ объективныхъ основаній заподозрѣвать его. Теперь остановимъ наше вниманіе на «Rhos» и царѣ ихъ «Chacan». Кругъ приводитъ народное имя «Suiones» въ связь съ «Rhos» и «Chacan» главнымъ образомъ чрезъ посредство двухъ свидѣтельствъ, во 1-хъ Бароніева документа, посланія Людовика къ Императору Василію («Chaganum vero non praelatum Avarum, non Chazarorum, aut Northmannorum nuncupari reperimus)», и, такъ какъ невозможно допустить имя Northmanni въ устахъ Грековъ IX-го вѣка, о титулатурѣ которыхъ въ этомъ мѣстѣ посланія говорится, то Кругъ чувствуетъ необходимость доказать, что въ посланіи имя Northmanni есть не что иное, какъ переводъ Греческаго имени народа «Rhos (Ῥῶς)» соотвѣтствующаго имени «Northmanni» Западной Имперіи. Этой послѣдней цѣли Кругъ думаетъ достичь посредствомъ извѣстнаго свидѣтельства Лиутпранда (писавшаго свою хронику 958 — 962. Wattenbach, Deutschlands Gesch. quellen, S. 210), силой котораго старается доказать, что имя «Northmanni» въ данномъ мѣстѣ есть не что иное, какъ переводъ Греч. Ῥῶς (.... Russios, quos alio nomine nos Nordmannos appellamus;» «gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant Russios, nos vero a positione loci vocamus Normannos).» Посредство чрезвычайно

далекое! Писатель начала второй половины X-го вѣка не отвѣчаетъ засвидѣтельство IX-го вѣка. Кремонскій дипломатъ и хронистъ, самъ посѣтившій Царьградъ въ 949 г. и слышавшій о Византіи отъ отца и тестя, которые были до него туда посыланы, стоитъ въ положеніи совершенно исключительномъ относительно всѣхъ другихъ свидѣтелей о томъ же до XI-го вѣка, и тѣмъ болѣе относительно Людовика II, который, по наблюденіямъ самого Круга, неточенъ и не знаетъ многаго такого, что могъ бы знать (Forschungen, S. 189 — 190). Смотря на Людовика II-го, писавшаго свою епистолу къ Василію въ 971 г., тогда уже единодержавному (Chronologie der Bisantier, von Ph. Krug. 1810, S. 4 — 11), какъ на хрониста своего времени, мы никакъ не можемъ допустить въ немъ ту точность этнографическихъ свѣдѣній, которая должна быть предположена въ немъ, если ставить его на одну доску съ Лунтпрандомъ. Каковы были господствующія тогда представленія Западныхъ хронистовъ о сѣверныхъ Нѣмцахъ? Невозможно указать мѣста, въ которомъ частное названіе какого ни будь Сѣвернаго племени выдерживалось бы постоянно во всѣхъ извѣстіяхъ, касающихся этого племени. Сообщимъ нѣкоторыя наблюденія. Въ древнемъ Датскомъ переводѣ отрывка изъ хроники, говорящаго о распространеніи Христіянства въ Даніи, мы находимъ извѣстіе о Рорикѣ: thenna samma Giötrek slog Rorek (somvar Hoefding ofwer Frisland) och giorde Frisarna sig skattskyldiga. . . . Therfoere drog han (i. e., konung Harald) med sin Hustru och sin Broder Haerek til keyser Lodwik (Heims Kr. ed. Peringskjöld. 1697, p. 220; cf. Adamum Bremensem I, 27). Западные хронисты, равнодушные къ оттѣнкамъ сѣвернаго происхожденія, называютъ его Норманномъ, какъ, напр., въ Фульденскихъ лѣтописяхъ (Pertz, I, 366; Kruse, Chron. Nordmm., p. 1, 39): «Rorih natione Nordmannus, qui temporibus Hludowici imperatoris cum fratre Herioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit» etc. (Ibidem. Krusius, Chron. Nordd., p. 144): «Rorih natione Nordmannus»..... collecta Danigenorum non modica manu coepit piraticam exercere.» Въ лѣтописи Пруденція замѣчается тоже, по справедливому замѣчанію г. Крузе (ibidem, p. 166): «Nortmanni alveo Sequanae remenso, maria repetunt, cuncta maris loca finitima diripiunt, vastant atque incendiis concremant.... Dani, qui anno praeterito Aquitaniam vastaverant, remeantes, Sanctonas invadunt.» Въ другомъ же лѣтописномъ отрывкѣ, приводимомъ тамъ же г. Крузе,

опустошеніе Аквитаніи приписывается вообще Норманнамъ. Далѣе не приводимъ, хотя Chronicon Nordmannorum, компиляція свѣдѣтельствъ о Норманнахъ, помѣщенная Перцомъ въ концѣ 1-го тома Monn. Germ. Histt. представляетъ много матеріяла для подобныхъ заключеній. Людовикъ II, вообще неточный, тѣмъ менѣе могъ придать имени Ῥῶς, встрѣтившемуся ему въ Василіевой епистолѣ, значеніе одного изъ племенъ, вообще обозначаемыхъ генерически Nordmanni. Онъ ни откуда не могъ знать ничего о Ῥῶς, исключая случаій 839 г., который обличилъ въ немъ только псевдонимъ, какъ я, держась Эверсова авторитета, старался доказать выше.

Итакъ, шатки, по моему мнѣнію, основанія Кругова толкованія. Слабость опоры въ мнѣніи выдаетъ тотъ hypercriticismus, который заставляетъ предполагать въ каждомъ мѣстѣ, отъ котораго мы ждемъ подтвержденія нашему мнѣнію, не то, что оно само даетъ, а то, что оно даетъ намъ при пособіи весьма сложныхъ и трудныхъ операцій, на пр., при предположеніи, что именно извѣстное мѣсто памятника представляетъ выписку изъ посланія на Греческомъ языкѣ. Г. Кушкъ (Ueber die Berufung etc. II, S. 201) надѣется даже доказать, что вышеприведенное мѣсто Бертинскихъ лѣтописей взято изъ Ѳеофилова посланія, на томъ основаніи, что послѣ плавной R въ имени Rhos стоитъ гортанное придыханіе, представляющее, будто, вѣрный снимокъ Греческаго начертанія (Ῥῶς). Неужели забылъ Г. Куникъ тотъ произволъ, съ которымъ средневѣковые писцы выпускаютъ и придаютъ гортанное придыханіе h? Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть въ любую страницу любой средневѣковой хроники лишь по изданію древнему, или и новому, но удерживающему правопись рукописей. Наконецъ, послушайте, чему учатъ Бенедиктинцы у Дюканжа (G. m. et i. l, t. III, p. 605, изд. 1844 г.): «Quemadmodum vero perperam in MSS. codicibus non raro additur eadam haec littera (i. e. h), ita non rectius omittitur; utriusque exemplum accipe.» Приведши примѣры, продолжаютъ: «Et haec quidem sufficiant, rem quippe notam loquor; alias varietates sua sponte animadvertat studiosus lector.» Мы думаемъ, слѣдовательно, что Норманны, недавнія нападенія которыхъ уже вселили страхъ въ умы Западныхъ людей, нуждаясь въ покровительствѣ Западной Монархіи, скрыли свое происхожденіе, назвавшись именемъ, неизвѣстнымъ на Западѣ, которое они могли узнать во время долгаго ихъ пребыванія на Востокѣ, гдѣ уже знали

страны «barbararum et nimiae feritatis immanissimarum gentium», по которымъ путь такъ затруднялъ ихъ. Раскрытіе же истины ихъ происхожденія не могло затруднить въ выборѣ средствъ, если припомнить религіозное посольство 829 года изъ Швеціи и недавнее нападеніе Норманновъ. Въ слѣдствіе этихъ соображеній, мы увѣрены, что объясненіе значенія «Rhos» невозможно при руководствѣ внутренняго содержанія мѣста Бертинскихъ лѣтописей; нужно обратиться къ современнымъ Восточнымъ свѣдѣтельствамъ, которыя могутъ дать разъясненіе на это. Изъ нихъ же мы надѣемся уразумѣть значеніе титула Chacanus. Кругъ, въ своемъ воззрѣніи на титулъ Chacanus, какъ на титулъ, принадлежащій его Шведскимъ Руссамъ, опирается единственно на одномъ весьма сомнительнаго свойства мѣстѣ Лудовиковой вышеприведенной епистолы, въ которой авторъ утверждаетъ: «Chaganum vero non praelatum Avarum, non Chazarorum, aut Nortmannorum nuncupari reperimus.» Объ этомъ мѣстѣ самъ Кругъ выражается въ слѣдующихъ словахъ (Forschungen 1, p. 190): «Ebenso ist es unbegreiflich wie Ludwig nicht will gefunden haben, dass die Fuersten (Praelati) der Avaren den Titel Chagan fuehrten.» Намъ не кажется это непонятнымъ: мы не ожидали ни какой точности въ свѣдѣтельствѣ о титулатурѣ хажествующаго вѣнценосца, который, удивляясь заботливости Василія о нихъ, говоритъ: «cum imperii dignitas apud Deum non in vocabuli voce, sed in culmine pietatis glorioso consistat» etc. (Ibidem), и вообще въ своихъ отзывахъ являетъ гораздо болѣе уваженія къ библейскимъ образцамъ (на пр., Давида), нежели къ современной ему дипломатіи. Мнѣ кажутся гораздо болѣе заслуживающими вниманія и авторитета въ глазахъ безпристрастнаго критика мѣста изъ обширнаго сборника дипломатическихъ формулъ, актовъ и случаевъ, который представляетъ намъ произведеніе Константина Багрянороднаго «de caerimoniis aulae Byzantinae,» авторъ котораго истинный спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ. Спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ Лудовиковой епистолы, Константинъ неоднократно называетъ владѣтелей племени, Ῥῶς — ἄρχοντες. Въ его сейчасъ названномъ произведеніи L. II, c. 48 (Ed. Bonn., pp. 690 — 691), даже непосредственно за формулой хрисовулы «πρὸς τὸν καγάνον Χαζαρίας» слѣдуетъ: «εἲς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας βούλλα χρυσῆ δισολδία γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥομαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας,» ibidem. L. II, c. 15 (Ed. Bonn., p. 594): «Ἕλγα» называется «ἡ ἀρχόντισσα Ῥωσίας.»

Обозрѣвая въ хронологическомъ порядкѣ свѣдѣтельства Западно-Европейскихъ хроникъ, мы дошли до Адама Бременскаго. Каково этнографическое достоинство его свѣдѣтельствъ? По тому времени (половина XI вѣка), въ которомъ жилъ Адамъ, отъ его писаніи нельзя ожидать ближайшихъ разъясненіи для вопроса объ этнографическихъ отношеніяхъ, зачавшихся въ IX-мъ вѣкѣ. Онъ засталъ Русь уже въ ту пору, которая освѣщена данными несравненнаго достоинства, данными отечественнаго лѣтописанія и письменности. Тѣ произведенія средневѣковаго лѣтописанія, которыми пользовался Адамъ съ прямыми на нихъ указаніями отчасти (какъ то, —Эйнгардъ, Фульденскія лѣтописи, многія жизнеописанія, между которыми особенно обильнымъ источникомъ служило ему Римбертово жизнеописаніе Св. Анскарія), извѣстны въ своихъ подлинникахъ, отчасти же (какъ то: «Исторія Франковъ», Корвейскія лѣтописи), хотя и неизвѣстными остались, но по своей отдаленности отъ Руси, едва ли бы могли раскрыть что ни будь новое. Все произведеніе Адама проникнуто и оживлено обильными извѣстіями, почерпнутыми изъ устъ Датскаго Короля Свейна, который, по признанію Адама, «содержалъ въ своей памяти исторію варваровъ съ точностью писанной книги» (H. H. E. L. II, c. 14). Перо Адама передаетъ извѣстія изъ устъ Свейна, обличающія въ послѣднемъ знакомство съ народностью Славянъ, формами ихъ гражданскаго быта (L. II, c. 24) въ мѣстностяхъ, развивавшихся совершенно другъ отъ друга независимо, каковы Ruzzia, Polabingi и пр. Но, отвлекаясь даже отъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній о религіозномъ бытѣ Славянъ, которыми наука обязана референту Свейна, что очистимъ мы исконнаго для разъясненія историческаго быта древней Руси? Отвѣчаемъ прямо: ничего, кромѣ того, что даетъ намъ Сага объ Олафѣ Гаральдсонѣ. Эти извѣстія Свейна представляютъ самый живой источникъ провѣрки сказаній Саги, источаемый тѣми устами, которыя, можетъ быть, были самымъ близкимъ посредствомъ въ преданіи, обработанномъ въ послѣдствіи въ Сагу. Извѣстія о родственныхъ отношеніяхъ Ярослава къ Сѣверу передаются совершенно согласно Сагѣ объ Олафѣ (L. II, c. 37); самое имя Ярослава передано тѣмъ и другимъ источникомъ весьма близко: у Адама Gerzlef, въ Сагѣ Jarisleifr. Россія въ двухъ мѣстахъ названа Острогардомъ, согласно Сѣвернымъ источникамъ (L. II, c. 19; L. IV, c. 11.), «Ostrogard Ruzziae», имя,

которому объясненіе привнесъ Адамовъ схоліастъ (Schol. 116: «Ruzzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard, eo quod in oriente posita quasi hortus irriguus habundat omnibus bonis» etc.), съ которымъ вполнѣ согласенъ и Гельмольдъ (I. 1. «Russia vocatur a Danis Ostrogard, eo quod in oriente positus).» Я думаю, что и Chivę названъ «aemula sceptri Constantinopolitani», «clarissimum decus Graeciae», болѣе всего по тому, что такимъ казался онъ людямъ Сѣверныхъ странъ, наемные витязи которыхъ, хотя и торговались съ Ярославомъ, но вообще должны были находить плату Восточныхъ Конунговъ весьма щедрою. Для разъясненія послѣднихъ отношеній намъ въ послѣдствіи послужитъ Эймундова Сага. Ближайшимъ образомъ приведенные эпитеты Руси объясняются тѣми же Сѣверными источниками. Въ сагѣ объ Олафѣ Гаральдсонѣ находимъ двухъ предпринимателей съ прінменьемъ «Грекъ», объясняющимся единственно тѣмъ, что ихъ похожденія военныя, торговыя, дипломатическія относились всего болѣе къ Гардарику. Одинъ изъ нихъ назывался Guthleikur Gerski (Heims Kringla, ed. Peringskjöld, p. 448, Saga cap. LXIV), о которомъ въ указанномъ мѣстѣ говорится слѣдующее: «hann var furmathur oc kaupmathur mikill authigur oc rak kaupferthir til ymiszru landa hann for austur i gartha riki optlega oc var hann fyrir tha sauk kallathur guthleikur gersci,» и за тѣмъ идутъ нѣсколько главъ, посвященныхъ описанію его похожденій и торговли мѣхами. Въ послѣднихъ словахъ весьма ясно говорится, что Гутлейкръ назывался именно по тому Грекомъ, что ѣздилъ часто въ Гардарикъ. Въ другомъ мѣстѣ той же Саги (cap. XCV, ed. Peringskjöld, p. 516) носитъ это имя посолъ Ярославовъ, который утвердительно отвѣтилъ отъ имени своего Конунга Ингигердѣ, на ея требованіе Алдейгаборга: «Enn sendemenn hinir Gerdzco jatotho theszo af hendi Kongs sins.» [1] Что подъ именемъ Gersci, Gerdzco разумѣлось именно имя «Грекъ,» кромѣ приведенныхъ мѣстъ Саги Олафа Гаральдсона важно слѣдующее мѣсто Саги Олафа Тригвасона: «honom var sagt at Ali kallathiz Gerscur at aett» (Грекъ по роду). (Heims Kringla, ed. Peringskjöld, p. 263).

Изслѣдователи, должно признаться, не всегда критически относились къ Адамовымъ свѣдѣтельствамъ. Такъ, г. академикъ Бутковъ даетъ имъ равное достоинство съ свѣдѣтельствами Констан-

[1] Мѣсто это искажено въ переводѣ Перингскьолда.

тина Багрянороднаго и нашего Нестора въ вопросѣ о томъ, «что имя «Русь» обнимало все Государство наше прежде удѣловъ и нашествія Монголовъ» (Оборона Нест., стр. 107). Едва ли, во первыхъ, нужно прибѣгать къ столь далекимъ средствамъ для доказательства вышеприведеннаго положенія. Для него доказательны памятники одного отечественнаго лѣтописанія, и тѣмъ болѣе, что съ 1016 года идутъ областныя свѣдѣтельства съ Сѣвера въ Новгородскоій лѣтописи, которые для своего времени подаютъ свѣдѣтельства, гораздо болѣе ясныя, нежели Константиново о положеніи Νεμογάρδ-α ἔξω τῆς Ῥωσίας. Адамъ же, кромѣ того важнаго обстоятельства, что его свѣдѣнія о Руси предубѣждены его устнымъ Сѣвернымъ источникомъ и пріобрѣтены не совсѣмъ самостоятельнымъ путемъ, представляетъ извѣстія о положеніи Руси относительно тѣхъ Славянскихъ странъ, которыя были ближе къ нему, что ясно изъ слѣдующаго мѣста: «Haec (i. e., Ruzzia) ultima vel maxima Winulorum provintia» etc. Въ томъ же духѣ писаны и Схоліи (см. Scholl. 17, 25). При такихъ условныхъ представленіяхъ о Руси не мудрено, что мы не встрѣчаемъ въ Исторіи Гамбургскоій церкви никакихъ свѣдѣніій о сѣверѣ Руси, особенно заинтересованномъ въ вопросѣ, для разъясненія котораго, почтенный авторъ такъ много приводитъ свѣдѣтельствъ Адамовыхъ.

---

2. ИСТОЧНИКИ ВОСТОЧНЫЕ.

а) АРАБСКІЕ.

Полагая всю основу изслѣдованія о происхожденіи Руси въ извѣстіяхъ Восточныхъ писателеій, Арабскихъ, Византіійскихъ и всего болѣе отечественныхъ, мы останавливаемся въ раздумьи на отношеніяхъ между двумя первыми и на вліяніе этихъ отношеніій на методъ ихъ изслѣдованія. По первому взгляду на язычную сторону именъ Сѣверныхъ народовъ въ писателяхъ Арабскихъ и Греческихъ, мы видимъ, что видъ ихъ у первыхъ обусловленъ образцами вторыхъ. Имя صقلاب [1] не можетъ иначе объясниться, какъ

---

[1] Множ. г. отъ صقلبة.

передачей Греческаго имени Σκλάβοι, Σκλαβήνοι et simm. По хорошему обычаю Арабскихъ писцовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласные знаки иностранныхъ словъ и діакритическіе знаки при согласныхъ, входящихъ въ ихъ составъ, спасаются для ученыхъ читателей рукописей Арабскихъ, особеннымъ, слѣдующимъ за начертаніемъ собственнаго имени, перечисленіемъ всѣхъ буквъ, имя составляющихъ. По счастью, буквы, составляющія имя صقلاب, неразъ перечислены. Изъ этихъ перечисленій мы видимъ, что между ṣad и qâf Арабы произносили иногда фатгу, иногда кесру (Charmoy, p. 369). Отдѣленіе обоихъ звуковъ произошло по побужденію, весьма понятному въ Арабскомъ языкѣ, не терпящемъ стеченія согласныхъ. Когда иностранное слово переходитъ въ Арабскій языкъ съ двумя согласными въ началѣ, то, оставляя это скопленіе, Арабы предупреждаютъ тяжелое произношеніе гласною; такъ произошли اسْفنج (σπόγγος), اسْقِيل (σκίλλα) (etc. Ewald. Grammatica critica l. A., p. 23, § 35). Въ нашемъ же случаѣ представилось еще болѣе трудное сочетаніе трехъ согласныхъ въ началѣ. И при томъ, замѣтимъ, изъ этихъ этнографическихъ данныхъ Арабскихъ писателей видна нѣкоторая ихъ предубѣжденность отъ Грековъ относительно Славянской народности. Какъ видно, Арабскіе путешественники узнали отъ Грековъ о Славянскомъ основномъ населеніи Придунайскихъ Болгаръ, и это свое свѣдѣніе перенесли на народность Болгаръ Поволжскихъ, которыхъ многіе изъ нихъ называютъ Славянами (Charmoy, N 109, pp. 371, 308; Fraehn, J-F., S. LV, 166). Начертанія روس и رس не позволяютъ намъ, при ихъ двоякости, смотрѣть на первое, какъ на слѣдъ Греческаго Ῥῶς. Ахметъ бен-Фодланъ, приводимый Якутомъ, въ первой строкѣ отрывка употребляетъ и то и другое начертаніе (Fraehn, S. 2 и прим. 3, S. 33). [1] Если чаще встрѣчается первое начертаніе, нежели второе, то по тому только, что писцы, зная трудность начертанія и произношенія иностранныхъ словъ, при выпущеніи гласныхъ знаковъ, писали всегда waw и jâ, вмѣсто даммы и кесры. Такъ, на пр., въ Греческихъ именахъ встрѣчаемъ waw стоящимъ на мѣстѣ и ω и ὁ Греческихъ: لاون (Λεων), ديونوسس (Διονυσιος Gr. critica l. Arab. Ewald, p. 46, adnot. 2).

---

[1] روس ويقال لهم رس بغير واو S. 2.

Если въ древнѣйшихъ Арабскихъ пушественникахъ нельзя открыть во многомъ зависимости отъ Греческихъ писателей, если во многихъ изъ нихъ слишкомъ живы и ясны слѣды личныхъ и часто прозорливыхъ наблюденій, то для соображенія важно имѣть въ виду то, что они не вездѣ самостоятельны въ своихъ извѣстіяхъ, заимствуя основное воззрѣніе, или даже и подробности изложенія, изъ сочиненій своихъ древнѣйшихъ соплеменниковъ. Не говоря о Самрѣ Касвини (Френъ, S. 209), умершемъ въ 1283 г., о ибнъ-ель-Варди (ум. 1348—1349. Charmoy, p. 305), позднѣйшемъ компиляторѣ (Френъ, S. 64), ибнъ-Шебибъ Гаррани и прочихъ позднихъ, черпавшихъ изъ Ахмедова произведенія, какъ изъ источника вѣрныхъ свѣдѣній о Руси, даже писатель начала второй половины X вѣка черпаетъ изъ путешествія своего предшественника первой половины и начала того же вѣка. Такъ, ибнъ-Гаукаль черпаетъ изъ كتاب الاقاليم Истахри (Френъ, S. IX—X, XXI—XXII (прим.), Charmoy, p. 301). Это обстоятельство чрезвычайно важно, и изслѣдователи, не принимавшіе его въ расчетъ, часто впадали въ промахи, которыхъ бы избѣгли, если бы имѣли его въ виду. Мы разумѣемъ Эверса. Въ своихъ «Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ» (2, стр. 185), отказавшись отъ всякаго опредѣленнаго этнографическаго вывода о Руси изъ извѣстнаго мѣста ибнъ-ель-Гаукаля о трехъ различныхъ племенахъ, онъ главную опору своего мнѣнія о Турецкомъ происхожденіи Руси поставляетъ въ свѣдѣтельствѣ ибнъ-ель-Варди. Съ свѣдѣтельствомъ ибнъ-ель-Варди Эверсъ былъ знакомъ по Французской передачѣ Гербелота, которая и приводится имъ въ 9 примѣчаніи къ главѣ о происхожденіи Руси (Рус. переводъ II, стр. 191). Мнѣ неизвѣстно состояніе того текста, который имѣлъ предъ собою Гербелотъ, но, къ счастію, въ свой переводъ онъ вставляетъ тотъ глаголъ изъ Арабскаго текста, отъ котораго зависитъ весь синтаксисъ мѣста, а, слѣдовательно, и весь его смыслъ. Вотъ важное для насъ мѣсто его перевода: «Ebn el'Vardi dit, que les Russes sont une nation, encathaat men al Turcs, qui est separée de celle des Turcs Orientaux,» etc. Но текстъ, установленный Френомъ по тремъ доступнымъ ему рукописямъ (Ibn-Foszlan, S. 43—44), представляетъ совсѣмъ другое. Въ немъ Rûs опредѣляется, какъ племя въ сторонѣ Болгаръ (قوم بناحية بلعار) между его (т. е., страною Болгаръ) и Славянскою. За тѣмъ продолжается: «и отдѣлилась шайка (племя? Френъ) изъ

—

Турокъ (т. е., Турецкая (طايفة من الترك) изъ странъ ихъ (من بلاد هم)». Слѣдовательно, предлогъ men здѣсь служитъ описаніемъ родительнаго падежа, а глаголъ управляетъ существительнымъ belâd во множ. ч. чрезъ посредство предлога من, управленіе, самое обыкновенное для глагола, имѣющаго значеніе «оставить, отдѣлиться, разлучиться», какой получаетъ глаголъ «خرج» въ 7 формѣ. Эту Турецкую народность авторъ въ слѣдъ за тѣмъ и называетъ Печенѣгами, или, по Арабскому произношенію, Bedjnakije. Доселѣ ибнъ-ель-Варди. Какъ видимъ, онъ не свѣдѣтельствуетъ ни сколько въ пользу Эверса. Другіе Арабскіе географы, которыхъ Эверсъ отчасти призвалъ ко свѣдѣтельству, отчасти могъ бы призвать, дѣйствительно свѣдѣтельствующіе, что Русь есть народность Турокъ, не заставляютъ долго на себѣ останавливаться изслѣдователя, которому извѣстны первыя три строки произведенія Ахмеда бенъ-Фодлана. Свѣдѣтельство принадлежитъ Бакуви, писавшему около 1405 г. Въ немъ Эверсъ видитъ подтвержденіе своему мнѣнію, главнымъ образомъ основанному на мѣстѣ ибнъ-ель-Варди, выше разобранномъ, тогда какъ оно взято изъ начала Фодланова произведенія, искаженнаго, можетъ быть, испорченностью рукописи, которую имѣлъ передъ собою Бакуви, или собственной виной Бакуви, — невниманіемъ. Все Бакувіево свѣдѣтельство взято изъ Ахмедова произведенія, въ началѣ котораго говорится, что «Русь есть большой народъ, страна котораго граничитъ со странами Славянъ, Турокъ» и пр. У Бакуви читаемъ: «Русь состоитъ изъ многочисленныхъ Турецкихъ націй и граничитъ съ Славянами» и пр. (Френъ, S. 41). На Бакуви уже основаны аналогическія мѣста Димешки и Абуль-Аббаса (пис. 1599 г.). Это же мѣсто Фодлана приводится правильно и дословно въ классическомъ географическомъ лексиконѣ, въ Камусѣ (Френъ, S. 42—43). Наконецъ, сама же Арабская литература представляетъ средство исправить промахи невнимательныхъ позднѣйшихъ компиляторовъ, и Арабскій библіографъ въ Джиханъ-Нума говоритъ, что въ одной хроникѣ Руссы причислены къ Туркамъ. Но, говоритъ онъ, ясно, что Руссы не Турки (Френъ, S. 46). Изъ этого ясна важность знанія взаимныхъ отношеній Арабскихъ писателей. Оставляя, впрочемъ, этѣ явныя улики, вообще говоря, весьма трудно предположить, чтобы писатель половины XIV вѣка (ум. 1348—49), каковъ Варди, или начала XV-го вѣка, каковъ Бакуви, и тѣмъ

менѣе конца XVI вѣка, каковъ Абуль-Аббасъ, могъ сообщить что ни будь, не заключающееся у Фодлана, Массуди, Истахри, Ибнъ-Гаукала.

Но, не смотря на слѣды нѣкоторой предубѣжденности со стороны Грековъ, замѣчаемой въ нѣкоторыхъ Арабскихъ путешественникахъ, и на зависимость, несвободу ихъ этнографическихъ представленіи, которую прійдется намъ иногда указывать, мы высоко цѣнимъ извѣстія ихъ, какъ основанныя часто на личныхъ наблюденіяхъ надъ подробностями быта, часто имѣющими въ этнографическомъ отношеніи цѣну едва ли не высшую, нежели самыя имена. Одни Якутовы отрывки совершенно достаточны для того, чтобы внушить довѣріе къ сообщаемому. Такъ, Ахмедъ бенъ-Фодланъ предупреждаетъ свое драгоцѣнное описаніе Русскихъ обрядовъ погребенія словами: «мнѣ говорили (يقال لى) .... и я желалъ удостовѣриться въ этомъ» (فكنت احب ان اقف على) S. 10. Затѣмъ, подъ конецъ описанія, онъ приводитъ свой разговоръ съ близъ стоящимъ человѣкомъ изъ народа-Руси, въ высокой степени любопытный въ этнографическомъ отношеніи, которымъ мы, въ послѣдствіи, воспользуемся. Но самый яркій примѣръ образа развѣдыванія Арабскихъ путешественниковъ представляетъ глава Якутова географическаго словаря о Башкирахъ, принадлежащая Фодлану же (отдѣльно оттиснутая Френомъ весьма давно изъ Mém. de l'Acad. de S.-Pburg.). Это — сплошной разговоръ путешественника съ туземцемъ.

Итакъ, постараемся сначала раскрыть этнографическія представленія Арабскихъ писателей, а за тѣмъ приступимъ къ оцѣнкѣ подробностей быта, ими сообщаемыхъ. Арабскіе путешественники ѣздили въ землю Козарскую, Болгарскую и встрѣчались тамъ съ Русью и Славянами (держась ихъ терминологіи) по дѣламъ торговли. Древнѣйшій изъ такихъ свѣдѣтелей древнихъ судебъ нашего отечества есть Ахмедъ бенъ-Фодланъ, совершавшій свое путешествіе въ Іюнѣ мѣсяцѣ 921 г. (Fraehn, S. LIV), или 309 г. Геджры, мѣсяца Сеферъ (Онъ же, De Baschkiris, pp. 2, 6). Но та сторона и до него была извѣстна и съ точностью, ни какъ не уступающею послѣдующей эпохѣ. Мухамедъ бенъ-Кесиръ Ферсани, писавшій около 844 г. свое астрономическое произведеніе (Fraehn, Ibn.-F., S. XIX; Charmoy, p. 306), говоритъ объ этой области и называетъ не только Турецкія племена Козаръ, Бурд-

...ственная публичная ...

жанъ, но и Славянъ, а объ Руси не упоминаетъ вовсе (Френъ, стр. 40). Давнее знакомство Арабовъ съ Славянскою народностью не ограничивается Славянами, сосѣдившими Козарамъ, «жилища которыхъ (Славянъ) простираются на сѣверъ до самаго Океана», по опредѣленію Массуди (Charmoy, pp. 308,312,331). Древнѣйшіе изъ Арабскихъ свѣдѣтелей о Славянахъ знаютъ ихъ поплеменно, хотя данныя ихъ, относящіяся къ другимъ Славянамъ, далеко не такъ ясны и неподозрительны (у Charmoy, pp. 309,313,314), каковы тѣ, которыя относятся къ Славянамъ Русскимъ. Но между ними есть и такія, которыя сами собою ясны, каковы извѣстія Массуди о племени Моравянъ, Хорватовъ, Сербовъ (Charmoy, p. 331). Несомнѣннымъ кажется, что данныя эти Греческаго происхожденія, ибо и Массуди, планъ путешествія котораго былъ обширнѣе, чѣмъ у другихъ Арабскихъ путешественниковъ, не заѣзжалъ въ тѣ области, въ которыхъ онъ могъ бы лично наблюдать жизнь этихъ племенъ (Charmoy, pp. 315—316). Вообще извѣстія Массуди отличаются отсутствіемъ живой наблюдательности, которая такъ драгоцѣнна въ ибнъ-Фодланѣ, и нѣкоторою ученостью въ направленіи мысли, ихъ одушевляющей. Такъ, на пр., живой разсказъ Ахмеда объ обрядахъ погребальнаго сожженія у Руссовъ, Массуди дополняетъ извѣстіемъ, что будто бы были посмертные браки, на которые рѣшались женщины, стремясь къ раю, даруемому въ вознагражденіе за жертву. Въ слѣдъ за этимъ Массуди припоминаетъ сходство Русскаго обычая съ Индускимъ. Что его данныя представляютъ весьма не ясные отголоски вездѣ, гдѣ касается дѣло исторіи, ясно изъ страннаго повѣствованія объ единствѣ всеи Славянскоі народности, объ единомъ царѣ ея, называемомъ ماجل, о возмущеніи этого единства и раздѣленіи племенъ (Charmoy, pp. 315—316). Отсутствіе личныхъ наблюденіи замѣтно и на томъ, что всѣ обряды погребенія сокращены въ 2 — 3 слова, при чемъ данныя Фодлана обобщены, обряды сожженія отнесены ко всѣмъ людямъ племени.[1] Что ближайшимъ образомъ важно для насъ въ семъ свѣдѣтельствѣ, это то, что обычаи сожженія приписанъ въ немъ наравнѣ и Славянамъ и Руссамъ вмѣстѣ. Точно также то, что у ибнъ-Фодлана и Гаукала говорится о торговлѣ Руси въ Итилѣ (S. 4, строки 1—2, S. 71), то у Массуди приписывается вмѣстѣ

---

1 Charmoy, p. 316: و اذا مات الرجل احرقت معه امراته

и Руси и Славянамъ (Charmoy, p. 317), и притомъ съ тою подробностью, что Русь и Славяне, какъ язычники, [1] имѣютъ своего судью (кадія), который ихъ судитъ по языческому обряду (Charmoy, p. 317; Fraehn, S. 71, и на 248—текстъ). Эта послѣдняя подробность совершенно оправдывается Византійскими отношеніями, въ которыхъ установилась, судя по договору Игореву, и особенная языческая клятва, и особенный судъ, судя по выраженію договора «по Рускому закону». Тѣ же слѣды исторической истины тѣхъ временъ, когда знакомились Арабы съ Сѣверо-Восточными племенами Славянъ на почвѣ Турецкихъ, Прикаспійскихъ и Прикаспійскихъ народностей, удержали Массуди, Истахри, ибнъ-Гаукалъ (у Френа, см. прим. 18, SS. 59 — 67). Послѣдній изъ нихъ уже упоминаетъ о Поволжскихъ Болгарахъ, какъ о чемъ-то минувшемъ, напоминая тѣмъ дѣянія Святославовы: онъ говоритъ о нихъ постоянно въ прошедшемъ времени. [2] Завязка отношеній къ Козарамъ чрезвычайно ясна изъ повѣствованія Массудіева о разореніи Каспійскихъ областей толпами Руссовъ, оградившихъ себя предварительнымъ договоромъ съ Козарскимъ Каганомъ. Здѣсь (у Френа, въ прилож., SS. 242 — 247, по полученіи текста отъ проф. Гамакера; ср. SS. 60—62) ни разу неупоминаются Славяне, не замѣтны предводители, видна одна дружина. Возможность такихъ частныхъ предпріятій объясняется недовольствомъ Варяговъ, которое часто заставляло ихъ оставлять знамя своего предводителя. Напомнимъ разсказъ Нестора въ лѣтописи подъ 6453 г. (Лавр. сп., изд. Тимк., стр. 26 — 27). Приведемъ это повѣствованіе о пораженіи Руссовъ Прикаспійскими Турками въ 912 г. въ связь съ тѣмъ извѣстіемъ того же Массуди, что Русь товариществовала и была привязана къ Царю, т. е., Кагану Козарскому. [3] Мы не сомнѣваемся, что послѣднія слова относятся не къ «Славянамъ и Руси», вмѣстѣ названнымъ въ предыдущемъ предложеніи, а къ одной Руси. Въ связи съ цѣлымъ этого мѣста у Массуди были побужденія постоянно на-

---

[1] При чемъ употреблено слово اجاهلية вмѣсто обыкновеннаго مجوس.

[2] وكانت مشهورة были знамениты (въ давнопрошедшемъ).

[3] هم من جند الملك و عبيله. — Очевидно что هم относится къ только что названнымъ Руси и Славянамъ, для избѣжанія повторенія одного изъ нихъ «Русь».

зывать Русь и Славянъ вмѣстѣ, ибо рѣчь шла объ обычаяхъ и отношеніяхъ къ сосѣдямъ Руси и Славянъ, пограничныхъ Козарамъ; послѣдняя же строка, столь напоминающая намъ описаніе того же Массуди похода 912 г. одной Руси на Турокъ Прикаспійскихъ, при чемъ Русь, дѣйствительно, товариществовала Козарскому Кагану, съ которымъ подѣлилась половиной добычи за пропускъ чрезъ его границы, эта послѣдняя строка (Charmoy, p. 317) привязана указательнымъ мѣстоименіемъ къ мѣсту, съ которымъ внутренней связи не имѣетъ.

Итакъ въ Массуди мы видимъ слѣды отдѣльнаго существованія Руси отъ Славянъ наряду съ совмѣстнымъ. Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ уже преобладаетъ смѣшеніе. Такъ, извѣстіе ибнъ-Гаукала о четырехъ племенахъ Руси, въ которыхъ Френъ (SS. 142 — 176) съ большею вѣроятностью открылъ Полянъ съ главнымъ городомъ Кіевомъ, Мордву въ Коратаѣ и Ерзани и Литовцевъ (колеблясь между ними и Славянами Новгородскими, Ладожанами), остается изъ позднѣйшихъ заимствователей у одного ибн-ель-Варди за Руссами, а у Едриси Мессинскаго, заимствовавшаго изъ Гаукала, переносится на Сиклабъ (Славянъ). Академикъ Шармуа, приводя мнѣніе «своего знаменитаго сочлена» о «Ertzânie» (= Ерзань) Арабскихъ писателей, сдѣлалъ весьма несчастную попытку сблизить «Ertzânie» съ «Ἀρεντάνοι» Константина Багрянароднаго, поставляя это, вѣроятно, въ связь съ тѣмъ, что Едриси Мессинскій, перечисляя 4 племени, приписываетъ ихъ Славянамъ (Charmoy, p. 389). Географическія и этнографическія данныя касательно «Ἀρεντάνοι» у Константина весьма ясны (De adm. imperio, capp. 26, 36. Ed. Bonn., pp. 128, 163): это Сербскіе обитатели области Неретвы въ приморской Далматіи (Šaf., Slow. Slarož., str. 655 — 668; Вукъ, Рѣчникъ 1852, стр. 418). Но вѣдь изъ отношенія свѣдѣтельства Едриси, писателя второй половины XII-го в., къ свѣдѣтельству ибнъ-Гаукала, писателя второй половины X-го в., весьма ясно, что подъ этими Славянами разумѣются Славяне Русскіе и, живущіе на ихъ почвѣ, иноплеменники, о географическомъ положеніи которыхъ Арабы, не исключая и Едриси, имѣли ясное представленіе. Притомъ, названіе Мордовскаго племени «Ерзань» ближе къ «Ertzânie» съ его трехточечнымъ t (ʒ), нежели къ Византійскимъ «Ἀρεντάνοι», имя которыхъ у Константина представляетъ Греческую передѣлку Славянскаго имени Неретянъ (Česk. Nerečane).

Касаясь отношеній внутреннихъ, отношеній къ племенамъ, живущимъ на, подданной Руси, почвѣ, Персидскіе писатели также отличаютъ Славянъ отъ Руси, называя ихъ отдѣльно; такъ, на пр., въ одномъ Персидскомъ отрывкѣ говорится, что Славяне, равно какъ и Русь, находятся въ постоянной враждѣ съ Мещерою (ср. лѣтописныя Русскія извѣстія у Шлецера, II, pp. 106, 108). Но послѣднимъ должно то поставить въ упрекъ, что эпитетъ مجوس, придаваемый Арабскими писателями Руси, наравнѣ съ Славянами, въ общемъ смыслѣ «язычникъ», они ложно истолковали поклоненіемъ огню (Charmoy, p. 367). Кромѣ приведеннаго географа, знаменитый Персидскій же географъ Касвини (Fraehn, S. 87), писавшій свои «Диковины странъ» въ 1275 г., также, по легко объяснимому побужденію, въ противорѣчіе всѣмъ Арабскимъ извѣстіямъ, называетъ Славянъ «معطلة» оставленными (безъ Бога), прибавляя يكون من عبدة النيرانة (и они суть изъ поклонниковъ огня). Эти мѣста Персидскихъ географовъ до того рѣдки и до того сами себя обличаютъ, если поставить ихъ наряду со всѣми Арабскими, болѣе подробными, точными и живыми, извѣстіями объ обычаяхъ Руси и Славянъ, что Академикъ Френъ не принялъ ихъ въ разсчетъ, говоря о значеніи слова مجوس у Арабовъ, въ приложеніи къ Европейскимъ народностямъ (Fraehn, S. 137 и прим.). За этимъ единственнымъ исключеніемъ, всѣ Арабскіе писатели, не принимая въ разсчетъ ибнъ-Фодлана, чрезвычайно вѣрно дѣйствительности передаютъ черты быта Славянскаго на Руси: «потокъ и разграбленіе» Русской правды отражается въ извѣстіи Абу-Гамида Испанскаго, разсказывающаго, что несостоятельный должникъ иностранцу расплачивается съ послѣднимъ своимъ семействомъ, жилищемъ и своею личностью. Уставъ Владиміра Князя (Всеволодовича), современный абу-Гамиду, путешествовавшему въ Болгаріи въ XII-мъ вѣкѣ, предлагаетъ слѣдующую статью о долгѣ: «аще кто многимъ долженъ будетъ, а пришодъ гость изыного города, и — за чужеземецъ, а не вѣдая, запустить товаръ за нь, а опять начнеть не дати гостю кунъ, а первии должници начнуть ему не дати, запинаюче куны, то вести на торгъ, продати же и дати первое гостины кунь, а домашнимъ что ся останеть купъ, тѣм ся подѣлять,» и пр. (Рус. достоп. II, стр. 48 — 49). Извѣстію того же писателя (Charmoy, p. 342) о продажѣ обольстителя дѣвицы встрѣчаемъ дословное подтвержденіе въ такъ назы-

ваемомъ Константиновомъ узаконеніи, столь рано возымѣвшемъ дѣйствіе въ древней Руси, а именно: «преложився дѣвици дѣвою преже времени 13 лѣта да продасться отокъ со всемъ имѣніемъ своимъ,» и пр. (Рус. достоп. II, стр. 156). Извѣстіе того же Араба объ обычной казни волшебницъ сверженіемъ въ рѣку также неоднократно подтверждается старины Новагорода, въ которомъ сверженіе съ моста было обычною казнію.

Доселѣ мы разсмотрѣли важнѣйшія и достовѣрнѣйшія данныя, касающіяся ближайшимъ образомъ Руси и Славянъ, ихъ сожителей, не касаясь еще древнѣйшаго о нихъ Арабскаго свѣдѣтеля, ибнъ-Фодлана. Его драгоцѣнныя данныя мы отлагаемъ подъ самый конецъ обзора Арабскихъ свѣдѣтельствъ, для ихъ провѣрки. Теперь обратимся къ тому, что даютъ Арабы важнаго и достовѣрнаго касательно Варяговъ, также на время исключая ибнъ-Фодлана. Данныя, касающіяся ихъ, столь затемнены испорченнымъ состояніемъ главныхъ текстовъ, что какъ ни много посвятилъ Академикъ Френъ знанія и остроумія для ихъ исправленія, мы остаемся въ нихъ положительно неубѣжденными. Какъ извѣстно, первый, указавшій на Арабскій источникъ познаній о Варягахъ, былъ Шлёцеръ (Несторъ I, S. 56), приведшій слова بحر ورن ك изъ Абульфеды, по изданію Рейске, по правильному чтенію Лейденскаго кодекса. Академикъ Френъ чтеніе это не только одобрилъ, но и подтвердилъ его неопровержимыми дипломатическими авторитетами, силой ихъ отринувши ложное чтеніе рукописей многихъ географическихъ сочиненій Арабскихъ وزنك; Абульфедово же показаніе онъ свелъ къ его источнику, и при томъ представилъ полный сводъ всѣхъ доступныхъ для него тогда Арабскихъ свѣдѣтельствъ о Варягахъ. Абульфеда самъ ссылается на Бируни (X — XI. в.), какъ на свой источникъ. По сличеніи оказывается, что Абульфеда сильно обобщилъ смыслъ Бируніева показанія, ибо сѣверное положеніе Варяжскаго моря онъ опредѣляетъ протяженіемъ его въ сѣверныя страны Славянъ. Дальнѣйшее его протяженіе на югъ смѣшнымъ образомъ опредѣляется близостью къ Багдаду (قرب ارض لبغداد). Это неизлѣчимо страждущее мѣсто въ связи съ слѣдующимъ словомъ, также испорченнымъ, Френъ исправляетъ, по чистой догадкѣ, замѣной имени Багдада названіемъ страны Приволжскихъ Болгаръ (S. 183*). Нѣтъ никакого авторитета для этого исправленія: ни

дипломатическаго (кодексовъ), ни палеографическихъ (сходства начертанія того и другаго имени). Мнѣ кажется, что Абульфедово обобщеніе Бируніева показанія свѣдѣтельствуетъ достаточно о томъ, что мѣсто это измучено писцами уже давно. Другіе Арабскіе же референты, не имѣя въ такой степени обдуманности и осторожности, въ какой ими обладалъ Абульфеда, по желанію, искажали это мѣсто, или просто пропускали изъ него то, чего не понимали. Ибнъ-ель-Варди, приводящій того же Бируни, подъ именемъ Абу 'р 'Рихана Хорезми, приводитъ его свѣдѣтельство, о направленіи моря Варяжскаго на сѣверъ рѣшительно дословно, а наше темное мѣсто совсѣмъ пропускаетъ. Тоже дѣлаетъ Насиръ Еддинъ Тусскій, дополняемый своимъ схоліастомъ Жоржани. Важнѣе послѣднихъ заимствованій изъ Бируни свѣдѣтельство, сообщенное Шемсъ-Ед-дин-Димешки, писателемъ начала XIV в., но важенъ онъ однимъ своимъ мѣстомъ, хотя и заподозрѣннымъ Френомъ, все же, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не нуждающимся въ предложенномъ имъ исправленіи. Вотъ оно: وهم سقالبة الصقالبة. Френъ, подтверждая, что и то и другое изъ рядомъ стоящихъ начертаній народнаго имени Славянъ имѣютъ за себя палеографическія доказательства, заподозрѣваетъ, чтобы то и другое могло быть употреблено рядомъ [1] для обозначенія превосходной степени, «Славяне изъ Славянъ,» т. е., «лучшіе изъ Славянъ», по особенности Арабскаго языка (S. 191). На основаніи своего подозрѣнія, Френъ рѣшился исправить первое изъ рядомъ стоящихъ именъ, тождественныхъ по составу, но различныхъ по начертанію, глаголомъ يقابلون въ 3 формѣ въ значеніи «противополагать», и переводитъ — «и они (т. е., Варяги) живутъ насупротивъ Славянъ» (S. 191). Слѣдовательно, для замѣны этимъ глаголомъ выше приведеннаго слова, онъ предположилъ метатезисъ послѣднихъ двухъ слоговъ (بل вмѣсто لب). Допустимъ это; но окончаніе глагола и замѣна س буквою ص дѣлаютъ поправку съ палеографической стороны весьма мало вѣроятною. А есть возможность удвоенія народнаго имени весьма удовлетворительная. Кромѣ объясненія формою превосходной степени, есть еще одно, не менѣе

---

[1] О возможности смѣшенія буквъ ص и س См. Ewald, Gram. crit. l. Arab., § 59; I, p. 34.

положительное. Въ Камусѣ, между нарицательными значеніями народнаго имени — صقلاب —, приводится одно, которое можетъ объяснить наше мѣсто. Его такъ передастъ Академикъ Шармуа: «On donne également ce nom à un homme, qui a la peau blanche et à celui, dont la carnation est rouge» (p. 307). Различіе въ правописаніи могло быть употреблено съ цѣлью отличить нарицательное значеніе имени отъ его собственаго значенія, особенно въ этомъ мѣстѣ, гдѣ они по случаю стоятъ рядомъ. Принявши это въ разсчетъ, я совершенно соглашаюсь съ переводомъ Шармуа: «Ce sont ceux d'entre les Slaves, qui ont la carnation la plus blanche et les cheveux les plus blonds.» Воззрѣніе Димешки на Варяговъ, какъ на Славянъ, оправдать весьма легко. Арабскіе географы часто исходили отъ географическаго сосѣдства племенъ къ заключенію объ ихъ этнографическомъ сродствѣ. Потому-то особенно привилось къ нимъ мнѣніе о Турецкомъ происхожденіи Руси, порожденное простымъ недосмотромъ, или испорченностью рукописи произведенія Ахмеда бен-Фодлана; потому-то они родняли Русь и съ Румъ. И такъ, вотъ смыслъ, извлекаемый изъ этого мѣста Димешки, помощью толкованія, какъ намъ кажется, весьма непринужденнаго. Одно главнымъ образомъ мѣсто занимаетъ насъ, кромѣ уже выше приведенныхъ и разобранныхъ, имѣющее ближайшее отношеніе къ имени «Варягъ.» Это мѣсто принадлежитъ Димешки же. Говоря о Средиземномъ морѣ, онъ говоритъ: «разногласятъ (— اختلفوا) объ отросткѣ (— ساعد — рукавѣ, рукѣ?), который исходитъ отъ него (т. е., отъ Средиземнаго моря) при Константинополѣ. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ выходитъ изъ моря neites (نيطس), которое есть море черное и называется «также» моремъ Руси, соединяется съ моремъ Варяговъ Славіи (Славянъ — «الصقالبة»)». Въ послѣднихъ двухъ словахъ Френъ снова поправляетъ и, какъ мнѣ кажется, рѣшительно безъ нужды. Онъ (S. 183 и къ ней прим.*) между обоими именами ставитъ соединительный союзъ (و), и на этомъ основаніи переводитъ: «Und das Russen-Meer stehe mit dem Meere der Warenger und der Slaven in Verbindung.» Въ примѣчаніи же къ частицѣ «und» ссылается на выше разобранное мѣсто Димешки, въ которомъ, будто бы, есть это сочетаніе двухъ именъ. Но вѣдь и тамъ оно существуетъ только до тѣхъ поръ, пока существуетъ поправка ученаго Арабиста, а само отъ себя оно молчитъ безотзывно на мнѣніе и допросы

Арабиста. Признавши и эту Френову поправку вполнѣ произвольною, ссылаемся на сказанное при разборѣ предшествующаго мѣста Димешки. Итакъ, двумя мѣстами Димешки утверждается связь Варягъ съ Славянами. Этому мы не придаемъ никакого авторитета, ибо знаемъ, что Арабы любили смѣшивать географическое сосѣдство съ этнографическимъ сродствомъ. Относительно же связи Русскаго моря съ Варяжскимъ есть весьма много свѣдѣтельствъ, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторыя весьма испорчены. Но при чтеніи свѣдѣтельства Бируни ясно становится, что Димешки его разумѣлъ, или кого ни будь изъ его многочисленныхъ референтовъ, передававшихъ вѣрнѣе другихъ его свѣдѣтельство. За тѣмъ Димешки говоритъ, что другіе отрицаютъ связь Русскаго моря съ Варяжскимъ. Таковъ, на примѣръ, Джорджани. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣстахъ названіе Русскаго моря не возбуждаетъ ни какихъ этнографическихъ воспоминаній; Варяжское же побуждаетъ ихъ говорить о народѣ «Варанкъ», которыхъ Ширази и Джорджани называютъ народомъ высокаго роста и воинственнымъ.

Упомянемъ еще о двухъ свѣдѣтельствахъ позднихъ, для полноты лишь. Персъ Касвини (XIV в.) называетъ Варяжское море Галатикунъ (غالاطيقون): форма обличаетъ Греческое происхожденіе этого названія. Другое принадлежитъ Ширази (XIII — XIV), приводимому Туркомъ Шерифъ-Джорджани, по которому первый называлъ Варяговъ народностью Шведскою, а по географическому положенію прилежащими къ морю, сосѣдями ихъ называлъ Датчанъ, Шведовъ, жителей Ливоніи, Пруссіи и Аламаніи, по имени которой и называетъ Джорджани море Варяжское Аламанскимъ.

Переходимъ къ ибнъ-Фодлану.

Приступая къ оцѣнкѣ данныхъ этого незабвеннаго Симита, столь отчетливо замѣтившаго черты и особенности Индо-Европейскаго язычества, мы невольно обращаемъ взоръ на заблужденія Эверса, объясняемыя лишь плохимъ языческимъ состояніемъ его Восточныхъ источниковъ и невѣдѣніемъ Индо-Европейской старины. Нашъ Ахмедъ сообщаетъ подробности вѣрованій и, основанныхъ на нихъ, обычаевъ въ столь исконныхъ ихъ чертахъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ доселѣ нельзя нигдѣ индѣ найти провѣрки и оправданія, какъ въ сѣдой старинѣ Аріискаго племени; такъ, на примѣръ, извѣстіе, сообщенное Ахмедомъ, о томъ, что «принесши

жертву идолу, жертвующій вѣшаетъ головы овецъ и скота на то деревянное изображеніе, которое (позади меньшихъ) воздвигнуто на землѣ, и что ночью приходятъ собаки и съѣдаютъ все.» Этотъ обычай относитъ насъ къ тому же жертвенному обычаю древнихъ Индусовъ, въ языкѣ которыхъ находимъ весьма ясный его слѣдъ. Онъ видѣнъ въ сложномъ словѣ grhabalibug', слѣдующимъ образомъ объясняемомъ Вильсономъ (A dict. in scr. and engl. 1832. Calcuttae, p. 296): «A sparrow. A king of crane. A crow. E. grha a house or a wife; bali grain etc., used in oblations, or any edible grain, and bug' who eats; that is, who eats the food of his female, or the fragments of offerings fallen in or about the house.» [1] Какъ черту во всей глубинѣ своей Индо-Европейскую, напомнимъ себѣ то высоко-нравственное глумленіе, которое слышится въ словахъ Русса, обращенныхъ чрезъ посредство толмача къ Ахмеду, наблюдавшему обрядъ сожженія и, можетъ быть, выражавшему во время процессіи чувство отвращенія, которое не разъ проглядываетъ въ его повѣствованіи, какими либо взглядами, или движеніями неудовольствія: «Вы, Арабы, народъ глупый: вы любимѣйшаго и наиболѣе уважаемаго вами человѣка бросаете въ землю, гдѣ его жрутъ пресмыкающіяся животныя и черви. Мы же сожигаемъ его въ одно мгновеніе, и онъ немедленно входитъ въ рай.» Прекрасно оцѣнилъ Яковъ Гриммъ возвышенныя побужденія Индо-Европейскихъ народностей къ сожиганію труповъ въ слѣдующихъ словахъ: «Es war ein heiterer, der Menschheit würdiger, Gedanke, ihre Todten der hellen und reinen Flamme, statt der trägen Erde, zu überlaszen,» etc. (Abhandlungen der phil.—hist. cl. der Berl. Akad. Aus dem Jahre 1849, SS. 267 — 268).

Возьмемъ сначала извѣстія Ахмедовы въ связи съ цѣлой статьей Якутова Географическаго словаря, которому мы обязаны сохраненіемъ Ахмедова повѣствованія о Руси. Прежде нежели обратиться къ Ахмедову извѣстію, составитель словаря приводитъ мѣсто изъ не дошедшаго писателя, называя его Мукадеси, нарицательнымъ именемъ, съ которымъ являются многіе Арабскіе писатели. Критика Френа открыла въ этомъ не дошедшемъ писателѣ Шемсъ-ед-динъ абу-абдъ-уллахъ Мухамеда бен-Ахмеда Мукадеси,

---

[1] Cf. Meghadutam, str. 24, ed. Gildemeister, p. 7.

писателя второй половины XI в., умершаго, по свѣдѣтельству Арабскаго библіографа, Хаджи-Халфы, въ 1052 г. (444 г.). [1] Его свѣдѣтельство стоитъ во внутренней связи съ Ахмедовымъ, какъ увидимъ Мукадеси, собирая немногія черты быта Руси, припоминаетъ кое-что объ ихъ прошломъ. Такъ, онъ упоминаетъ о завладѣніи города Бердаа, города между Куромъ и Араксомъ (Френъ, прим. 17, стр. 59), которое, не смотря на отсутствіе хронологическаго даннаго въ этой ссылкѣ Якута, опредѣляется временемъ первой половины X в. Въ началѣ онъ говоритъ: «Славяне нападаютъ на нихъ (— يغيرون عليهم), (т. е., на Русь) и отнимаютъ у нихъ ихъ имущество (ويأخذون اموالهم)». Несомнѣнно, что это данное относится не къ тому времени, когда Мукадеси путешествовалъ и писалъ свои записки. На это наводитъ и Френъ (p. LII). Весьма вѣроятно, что это воспоминаніе относится къ тому времени, когда Русь и Славяне еще не сплотились въ одно политическое цѣлое, и тѣмъ еще не подавали Арабскимъ путешественникамъ поводъ смѣшивать ихъ, или постоянно называть вмѣстѣ. Припомнимъ, что у древнѣйшихъ изъ нихъ, на пр., у Массуди, мы еще замѣчаемъ слѣды этого раздѣльнаго существованія двухъ народностей. Весьма вѣроятнымъ намъ кажется, что данное есть воспоминаніе старины половины IX вѣка, засвѣдѣтельствованной Несторомъ подъ 859 годомъ. Темный отголосокъ этой старины доносятъ до насъ Бертинскія лѣтописи, свѣдѣтельствующія о immanissimis gentibus, чрезъ страны которыхъ Русь боялась уже въ 839 г. проходить. Походъ въ Бердаа Руси, о которомъ упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ Якута Мукадеси, есть тотъ самый походъ въ Прикаспійскія области (въ началѣ 4-го столѣтія Геджры, приблизительно послѣ 912 г.), который подробно описалъ Массуди въ извѣстіи, выше нами приведенномъ. Изъ описанія Массуди мы знаемъ, кто были эти Руссы. Сличеніе краткаго извѣстія Мукадеси съ подробнымъ Массудіевымъ окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что и борьба ихъ (Руси) съ Славянами есть борьба съ Варягами, засвѣдѣтельствованная Несторомъ. Да и немногія черты быта Руси, которыя передаетъ Мукадеси, ни какъ не могутъ относиться ко времени этого писа-

---

[1] Fraehn, I-F., S. XLIX—LII.

теля. Онъ говоритъ о Руси, тої самої Руси, которая ходила на Бердаа, что они не сѣютъ и не занимаются скотоводствомъ (وليس لهم زرع و لا صرع). Мы узнаемъ въ этихъ чертахъ дружинное ополченіе Варяговъ, на время похожденій оставляющихъ привычки и занятія осѣдлої жизни. Наконецъ еще яркія черты быта Варяжскаго, всѣмъ хорошо извѣстныя, какъ такія, и не вызывающія насъ по тому на обширное о нихъ разглагольствованіе: во первыхъ, обычай отправлять молодыхъ сыновей на похожденія, для пріобрѣтенія себѣ славы и богатства (schwertleite; Grimm, Deutsche Rechtsalterthuemer, S. 462); во вторыхъ, ордаліи (см. Френъ, SS. 2 — 3).

Изъ чертъ Русскаго быта, переданныхъ ибнъ-Фодланомъ, живѣе и подробнѣе всего остальнаго очерченъ обычай погребальнаго сожженія. О провѣркѣ свѣдѣній, имъ доставляемыхъ, другими источниками, и о приписаніи ихъ, на основаніи этої провѣрки, тої или другої народности, говорить не легко. Нѣкоторые (каковъ г. Срезневскій, въ своемъ сочиненіи «О обрядахъ и святилищахъ древнихъ Славянъ») приписываютъ ихъ Славянамъ Русскимъ X-го в., безъ дальнѣйшихъ этнографическихъ справокъ и соображеній. Другіе колеблятся. Изъ послѣднихъ представителемъ, важнѣйшимъ по авторитету своему, можемъ назвать Якова Гримма. Въ своемъ выше приведенномъ академ. трактатѣ «Ueber das Leichenverbrennen» (въ трудахъ Берл. Акад , изд. 1849), онъ, перепечатывая Френовъ переводъ отрывка изъ Фодлана (p. 253—256), находитъ въ его свѣдѣтельствѣ двѣ черты, очень сходныя съ Сѣверно-Нѣмецкими вѣрованіями, но, вспомнивши, что этотъ же Фодланъ говоритъ о плотскомъ совокупленіи шести мужей съ жертвенною дѣвицею, и что онъ называетъ Руссовъ народомъ грязнымъ, нечистоплотнымъ, Гриммъ съ ужасомъ отклоняетъ всякое подозрѣніе, чтобы это могло относиться къ Нѣмцамъ, и, въ заключеніе, напоминая читателю свѣдѣтельство Нестора объ обрядахъ погребальнаго сожженія у Вятичей и Радимичей, находитъ примиряющую средину въ мысли о глубокої древности описываемаго, такої древности, въ которої исконное родство Нѣмцевъ съ Славянами можетъ объяснять всѣ случайныя, изволите видѣть, совпаденія. Объясненіе очень легко, но, нужно признаться, оно глухо отзывается на вопросы любознательности. Третьи приписываютъ ихъ Варягамъ. Между ними назову г. Академика Куника, кото-

рый, впрочемъ, не останавливаясь на наиболѣе интересныхъ подробностяхъ, стремится поскорѣе назвать рай, путь, къ которому очищаетъ себѣ жертвенная дѣва, и въ которомъ она предвидитъ присутствіе своихъ милыхъ (Ibn.-F., S 17), Валгалой, а Господина, дарующаго вѣтеръ для возгнѣтенія пламени, — Одиномъ (Ueber die Berufung, etc., SS. 453—458).

Правленіе Игоря, ко времени котораго относится извѣстіе ибнъ-Фодлана, засвѣдѣтельствовано памятникомъ его сношеній съ Византіей, договоромъ съ нею. Заключеніямъ филологическаго свойства изъ него мы дадимъ мѣсто въ филологической части сочиненія. Здѣсь же замѣтимъ клятву оружіемъ, щитомъ и золотомъ, которою сопрождалось заключеніе договора. Обычай клясться оружіемъ не могъ имѣть мѣста у Славянъ. Между древними правовыми обычаями Нѣмцевъ видимъ положеніе руки на мечъ, или, еще древнѣе, его извлеченіе изъ ноженъ (Grimm, Dd. R.-Alterthuemer, SS. 166—167). Такъ, на пр., въ Фульденскихъ лѣтописяхъ: «jurabant (Dani), juxta ritum gentis suae, per arma» (Ann Fuldd. A 873; cf. Adamum Bremensem, I, 39). Золото Игоревой клятвы является въ видѣ монеты, какъ символъ клятвы друзей разлучающихся, дѣлящихъ ее пополамъ (Grimm. Ibidem. SS. 180—181). Эта единственная черта, касающаяся Русскаго Князя, скорѣе всего, при свѣтѣ другихъ данныхъ (именъ пословъ), ведетъ насъ къ Сѣверно-Нѣмецкому племени. Ибнъ-Фодланъ, приступая къ своему повѣствованію, предупреждаетъ, что описываемые имъ обряды относятся къ погребенію «большаго, знатнаго человѣка изъ нихъ» (т. е., изъ Руси رجل من هم جليل). Бѣднаго человѣка они хоронятъ въ маломъ кораблѣ и сожигаютъ его. Этимъ нашъ свѣдѣтель распространяетъ обрядъ сожженія на всѣхъ. Дѣйствительно: какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Славянъ, трудно ограничить твердымъ правиломъ обрядъ сожженія, хотя у первыхъ съ самыхъ древнихъ временъ является почти наравнѣ, какъ crematio, такъ и humatio (W. Grimm, D Runen; прим. къ стр. 259; J. Grimm, L.-verbrennen, SS. 229 — 230; Weinhold, Heidnische Todtenbest. in D.; I, S. 24). Не знаю, что бы мы встрѣтили у нашего свѣдѣтеля, если бы онъ взялся описать обрядъ сожженія простаго человѣка. Очень можетъ быть, что не встрѣтили бы ничего, особенно характеризующаго ту, или другую; народность, такъ какъ обрядъ сожженія въ кораблѣ неоспоримо принадлежалъ древле и

Нѣмцамъ и Славянамъ. Но въ Ахмедовомъ описаніи погребальныхъ обрядовъ сожженія важнаго лица изъ Руси такъ много подробностей миѳологическихъ, условливаемыхъ сложностью погребальной процессіи, что отсутствіемъ нужнаго для этнографическихъ заключеній матеріяла нельзя отговориться.

Исходя отъ той мысли, что въ отдаленной древности, представляющей въ общемъ болѣе чертъ сходства, нежели то время, когда въ народѣ значительно возрасла самоопредѣляющая сила его духа, имѣютъ рѣшительное значеніе лишь тонкія подробности быта, мы обращаемся къ послѣднимъ, сообщеннымъ, къ счастію, ибнъ-Фодланомъ. Съ самаго начала является старуха (امراة عجوز), которую называютъ они ملـك الموت (собственно царемъ смерти, — ملـكة, — а по переводу Френа, ангеломъ смерти). Богиня смерти является въ одномъ случаѣ весьма характеристичною: при убіеніи жертвенной дѣвы. Она надѣваетъ на жертвенную дѣву канатъ, за который тянутъ ее двое мущинъ, близъ стоящихъ, до тѣхъ поръ, пока она не задохнется. Одна изъ Норнъ, Гельда, «смерти вѣстница» (ملـك الموت?), готовитъ страшный канатъ, которымъ она притягиваетъ къ себѣ людей, при помощи своихъ сестеръ (Mannhardt, Goetterwelt, I, S. 332). Снаряженіе жертвы и приготовленіе платьевъ и постели (Ibn.-F., SS. 14 — 15), которое приписывается тому же ангелу смерти, также составляетъ весьма существенный актъ погребенія. Особенно замѣтимъ снаряженіе сапогъ (خفا), которые постоянно клались въ гробницу у Нѣмецкихъ племенъ и имѣли особенное символическое значеніе (Mannhardt, I, S. 320) Передъ актомъ прощанія совершались обряды, которые въ подробности сообщаетъ ибнъ-Фодланъ. Въ пятницу по полудни привели дѣву къ чему-то, ими (сожителями дѣвы) сдѣланному, подобному внѣшней сторонѣ двери (مثل ملبن الباب). Въ Нѣмецкомъ поклоненіи смерти дверь имѣетъ символическое значеніе, засвѣдѣтельствованное обиліемъ подробностей, о которыхъ см. въ Гриммовой Миѳологіи, стр. 802—803. «Затѣмъ она (т. е., дѣва) поставила ноги свои на руки мужей и, возвысившись надъ этимъ (изображеніемъ) внѣшней двери, проговорила (что-то) на языкѣ, ей свойственномъ (بكلام لها), и спустили ее. Потомъ подняли ее въ другой разъ, и она сдѣлала подобно тому, какъ она сдѣлала въ первый разъ. Потомъ спустили ее. И подняли ее въ третій разъ. И сдѣлала она то, что сдѣлала въ два (предшествующіе) раза....

И спросилъ я толмача о дѣйствіи ея. И сказалъ онъ: сказала она въ первый разъ: «Вотъ вижу отца моего и мать мою.» И сказала во второй разъ: «Вотъ вижу родственниковъ моихъ мертвыхъ сидящими.» И сказала въ третій разъ: «Вотъ господинъ мой сидитъ въ раю. И рай прекрасенъ,—зеленый. И съ нимъ мужи и мальчики. И зоветъ онъ меня. Такъ пройдите со мной къ нему.»

Возвышеніе на рукахъ мужей, ведущее къ созерцанію рая (جنة), непосредственно роднится съ миѳологическимъ представленіемъ о золотомъ мостѣ (gjallar-brücke), ведущемъ къ раю. Совершенно сходное съ нашимъ обрядомъ дѣйствіе замѣчаемъ въ слѣдующей дѣтской игрѣ у Нѣмцевъ, сообщенной Маннгардтомъ (Götherwelt, I, S. 320—321): «Zwei Kinder, welche heimlich die Namen Sonne und Mond unter sich vertheilen, fassen sich mit beiden Händen an, die sie in die Höhe heben, und bilden so die goldene Brücke oder das goldene Thor. Die übrigen Kinder bilden eine lange hintereinander stehende Reihe. So stellen sie eine Reiterschaar vor, welche durch die goldene Brücke zu ziehen wünscht. Sie erhalten Durchzug, doch der letzte wird gefangen, indem Sonne und Mond ihre Arme über ihn herabsenken. Er muss nun wählen, ob er zu Sonne oder Mond kommen will. Dann wiederholt sich das Spiel, und es kommt darauf an, welche Partei zuletzt die Gröste wird.» [1] Сѣверно-Нѣмецкая миѳологія особенно много послужила развитію миѳологическаго представленія моста. Все описаніе Ахмедово кончается слѣдующими словами: «И задула страшная буря, усилившая пламя» и пр. Выборъ бурнаго времени для сожженія трупа оправдывается явленіями Нѣмецкой же Миѳологіи. Такъ передаютъ древнія миѳологическія представленія отходъ души (въ Грим. Миѳ., S. 792): «Mit Müde rudert er hinüber, die Ladung steigt aus und das Fahrzeug wird von jähem Sturm zurückgeworfen an die stelle der Abfahrt, wo schon wieder neue reisende harren.» И при томъ вспомнимъ, въ какія тѣсныя и многостороннія связи поставляетъ Нѣмецкая Миѳологія смерть съ бурнымъ шествіемъ Одина.

б) ИСТОЧНИКЪ РУССКІЙ, ПРОВѢРЕННЫЙ, СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ ВИЗАНТІЙСКИМЪ, СЪ ДРУГОЙ СѢВЕРНЫМЪ.

Въ какомъ отношеніи Несторъ находился въ свое время (XI—XII в.) къ обоимъ членамъ народнаго имени Варягъ-Руси? Вторымъ чле-

[1] Вообще о мостѣ см. Гриммову Миѳологію, стр. 794—795.

номъ онъ называетъ уже Славянъ, и по преимуществу Полянъ, къ племени которыхъ принадлежалъ и самъ. Яснѣе всего это въ самомъ началѣ его Временника: «Се повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кневѣ нача первѣе княжити» и пр. Подъ Русской землей разумѣется здѣсь страна съ основнымъ населеніемъ Славянскимъ, имѣющимъ въ Несторовомъ созерцаніи своимъ средоточіемъ Кіевъ, городъ, о построеніи котораго Славянскимъ племенемъ сообщаетъ сказаніе Несторъ же. Изъ этого ясно, что вполнѣ объективнаго отношенія къ этнографическому значенію этого народнаго имени Несторъ имѣть не могъ, и, при томъ, оставя кругъ этнографическихъ представленій, непосредственно присущихъ его живой современности, онъ имѣлъ въ запасѣ своихъ лѣтописныхъ свѣдѣній преданія, которыя могли еще болѣе въ немъ поддержать эту исключительность отношенія имени Руси частнымъ, особеннымъ образомъ къ Южной Руси, къ Кіеву: Олегъ назвалъ Кіевъ матерью градомъ Русскимъ. Съ этимъ преданіемъ въ несомнѣнной связи состоитъ то, чрезвычайной важности, обстоятельство, что, при первомъ же хронологическомъ счисленіи (изд. Тимк., стр. 11), подавшемъ ему поводъ къ счисленію лѣтъ Русскихъ Князей, онъ, принявшій въ основу Византійскія данныя Михаилова царствованія, отъ перваго Михаилова даннаго переходитъ непосредственно къ Олегову и называетъ при этомъ Олега Русскимъ Княземъ, а, переходя частнымъ образомъ къ Русскому счисленію, съ начальнаго даннаго Олегова княженія къ таковому же Игорева княженія, о первомъ прибавляетъ: «иже сѣде въ Киевѣ.» Этими подробностями за Несторовымъ Временникомъ утверждается характеръ мѣстный, областной. Но въ слѣдъ за этой областной лѣтописью идутъ извѣстія, которыя выводятъ изъ исключительной области Южно-Русскихъ событій и представляютъ матеріялъ для этнографическихъ заключеній объективнаго свойства. Возстановляя хронологическое счисленіе по отношенію къ Сѣверной, Новгородской области, Несторъ сообщаетъ данныя 859 (6367) и 861 (6369) гг. Перейдя въ область Новгородскую, Несторъ имѣлъ достаточно свѣдѣній и способности отвлечься отъ областной исключительности, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, войти въ кругъ этнографическихъ представленій Сѣвера, Новгорода. Заключаемъ это изъ того, что опредѣленіе Руси именемъ Варяговъ и твердое, ясное различеніе племенныхъ оттѣнковъ

Варяговъ объясняется лишь Географическою близостью Новагорода къ нимъ и частыми сообщеніями, засвѣдѣтельствованными извѣстными показаніями Русской лѣтописи и Сѣверныхъ сагъ. Самое древнее отечественное свѣдѣтельство, которое даетъ намъ средство провѣрить показаніе Нестора, принадлежитъ Новгородской лѣтописи, въ которой, подъ 1188 г. (6696), Варяги опредѣляются, какъ «на Гътѣхъ Нѣмыцѣ,» [1] «на Гътѣхъ,» приведенныхъ Несторомъ въ числѣ пяти ему извѣстныхъ Варяжскихъ племенъ. Есть обиліе «возможныхъ» источниковъ такого рода извѣстій у Нестора; но изъ дѣйствительныхъ, имъ самимъ приводимыхъ, укажемъ «Гюряту Новгородца.» Совершенно независимо отъ областныхъ интересовъ, Несторъ называетъ Новгородскую область Русью, прибавляя: «ти суть людье Нооугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни» (изд. Тимковскаго, стр. 12; Погодинъ, II, стр. 23—24, 39). Этимъ придается еще болѣе объективное значеніе Несторову свѣдѣтельству. По случаю употребленія имени «Варязи» слишкомъ многочисленны и раздѣлены слишкомъ большими промежутками времени, чтобы мы, остановившись на этомъ одномъ, правда, весьма важномъ, стали бы изъ него выводить заключенія, не провѣривши его остальными. Пока замѣтимъ только то важное обстоятельство, что Несторъ ставитъ «Русь» къ «Своямъ» въ отношеніи соподчиненія къ общему имъ имени «Варязи», что всегда было и будетъ сильнымъ возраженіемъ тѣмъ многочисленнымъ ученымъ, которые думаютъ доказать Шведское происхожденіе Руси чрезвычайно безпоказательнымъ, какъ въ филологическомъ, такъ и въ историческомъ, отношеніи, сопоставленіемъ съ Финскимъ именемъ Шведовъ Ruotsi. Если мы обратимся къ Кіевскимъ извѣстіямъ Нестора, то замѣтимъ слѣдующее: во всѣхъ случаяхъ употребленія этихъ двухъ именъ, они являются отдѣльно, въ значеніяхъ, другъ отъ друга независимыхъ, что придаетъ его опредѣленію Руси, какъ Варяговъ въ Новгородскихъ извѣстіяхъ, вполнѣ теоретическій характеръ. Подъ Кіевскими древнѣйшими данными мы разумѣемъ все, что касается княженій Олега и Игоря, согласно субъективному воззрѣнію Нестора. Въ текстахъ договоровъ употребляется вездѣ

---

[1] П. С. Р. Л., т. III, стр. 20: «Въ тоже лѣто (6696) рубоша Новгородьцѣ Варязи, на Гътѣхъ Нѣмыцѣ.» Ср. Погодина, стр. 34 и прим. 76.

одно имя Русь, но такъ, что контекстъ заставляетъ отдѣлять ихъ занятою. Подъ контекстомъ здѣсь мы разумѣемъ другіе случаи употребленія народнаго имени «Русь» въ этихъ договорахъ и вообще въ древнѣйшихъ Кіевскихъ извѣстіяхъ. Вотъ случаи употребленія имени Варягъ въ этихъ извѣстіяхъ. Въ описаніи похода Олега на Полянъ, по описаніи завладѣнія Кіевомъ (изд. Тимк., стр. 14): «бѣша оу него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью.» Интерпункція Тимковскаго вѣрна, единственно возможна, и смыслъ этого мѣста ясенъ. Подъ «прочи» должно разумѣть вновь покоренныя племена, что объясняется другими мѣстами, напр., «Поляне, яже *нынѣ* зовомая Русь» (изд. Тимк., стр. 16). «Дань даяти устави отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля»: по справедливому толкованію г. Погодина, относится къ тѣмъ Сѣверянымъ шайкамъ, которыя могли вновь безпокоить Новгородскія границы. При исчисленіи племенъ, слѣдующихъ за Олегомъ въ его Византійскомъ походѣ, Варяги упомянуты въ началѣ безъ присовокупленія «Руси» наряду съ Финскими и Славянскими племенами. При первомъ Игоревомъ походѣ говорится: «иде Игорь на Греки; и послаша Болгаре вѣсть ко Царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдни 10 тысящь.» Г. Погодинъ (т. II, стр. 25, прим. 50), на неизвѣстныхъ основаніяхъ, предпочитаетъ въ этомъ мѣстѣ чтеніе Софійскаго Временника, прибавляющаго въ этомъ мѣстѣ: «глаголемы отъ рода Варяжьска сущимъ,» и по странному недосмотру, онъ замѣчаетъ, ссылаясь на Строевское изданіе Софійскаго Временника, замѣну слова «скѣдни» словомъ «людии», ничего не упоминая о прибавкѣ вышеприведеннаго объясненія. Но, во первыхъ, согласно правильному чтенію двухъ рукописей (Карамзинской и Оболенскаго), читается «лодии», что представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ переводъ слова «скѣдни.» Эта послѣдняя замѣна и объясненіе происхожденія Руси въ томъ мѣстѣ, въ которомъ Несторъ его не представляетъ, совершенно приличны глоссаторскому направленію Софійскаго Временника, о которомъ скажемъ, говоря объ именахъ договоровъ, и переводъ слова «скѣдни» словомъ «лодии» ближайшимъ образомъ объясняетъ приведенную глоссу къ слову «Русь», какъ прибавленную позднѣйшимъ составителемъ Софійскаго Временника, перенесшимъ это объясненіе изъ другаго мѣста Несторова Временника. Что подъ «Варягами» разумѣется въ этихъ древнѣйшихъ Кіевскихъ свѣдѣтельствахъ не

ближайшая дружина Князей, пришедшихъ съ Рюрикомъ (по Нестору), ясно изъ слѣдующаго мѣста: «Игорь же пришедъ, нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, паки хотѣ пойти на ня.» Въ одномъ изъ этихъ свѣдѣтельствъ Варяги древнихъ Кіевскихъ извѣстій поставляются въ связь съ Варягами Ярославовыми. Говоря о дани Варягамъ, установленной Олегомъ, Несторъ прибавляетъ: «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.» Очевидно изъ этого, что Варяги древнихъ Кіевскихъ извѣстій, состоя съ Ярославовыми въ одинаковыхъ условіяхъ на Руси, были постоянно притекавшіе пришельцы. Но кто были эти Ярославовы Варяги? На это могутъ намъ отвѣтить Сѣверныя саги: саги обоихъ Олафовъ и Эймундова. Родственныя отношенія Ярослава къ Олафу, сыну Гаральда, условливаютъ собою и остальныя отношенія его къ Сѣверу. Ингигерда называетъ наемныя дружины, предводимыя Эймундомъ и Рагнаромъ, своими «fóstbradhr» (Eymundar saga, cap. XI et passim). Еще яснѣе въ началѣ саги (cap. II) объясняется происхожденіе дружинъ въ слѣдующихъ словахъ: «voru thar margir their menn, er sèr vildu fjár afla, en attu at reka harma sina í Noregi.» Что они пришли именно изъ Норвегіи, ясно также изъ того, что, предложивши съ своей стороны прибывшимъ дружинамъ миръ (fridhland), Ярославъ (konúngr) и Ингигерда (drottning) распрашивали о дѣлахъ Норвежскихъ и Олафѣ («spyrjà tidhinda or Noregi frá Olafi Konúngi Haraldssyni». Saga, c. 3.). Но эта близость отношеній нисколько не мѣшала опредѣленности отношеній наемниковъ къ нанимающему. Эймундова сага всѣмъ своимъ содержаніемъ, всѣми подробностями, свѣдѣтельствуетъ (c. 3) о томъ, что дружины готовы были перейти во враждебный станъ при первомъ неудовольствіи, и въ послѣдствіи не только перешли, но и плѣнили Ингигерду (c. 11), стоя за интересы Vartislafs. Варяги называютъ себя постоянно иностранными войсками (útlendir), и Эймундъ противуполагаетъ свои дружины въ разговорахъ съ Ярославомъ «вашимъ дружинамъ» («ydrir». Eym.-S. passim). Еще яснѣе подтверждаетъ эти отношенія сага Олафа Гаральдова сына. Она повѣствуетъ, что Олафъ, разстроивши свои Норвежскія отношенія, отправился къ своему зятю, Ярославу. У него онъ долго жилъ. Но его не покидала мысль о родномъ царствѣ. Между тѣмъ Ярославъ предложилъ ему область, которая страннымъ образомъ называется Vulgaria,

описываемая въ сагѣ слѣдующимъ образомъ: «oc er that eirn lutur af Gardhariki oc var that folk heithit í thvi lande» (Heims-Kringla, ed. Peringskjöld, p. 745. Ol.-S., cap. CXCVIII). Но Олафъ не принималъ ничего. Настроеніе его духа выражено сновидѣніемъ въ особой главѣ, носящей заглавіе «Draumur Olafs Kongs.» Олафъ изображенъ въ ней погруженнымъ въ мысли объ отчинѣ, сосредоточеннымъ на нихъ и возбужденнымъ до ясновидѣнія. Является ему человѣкъ въ царскомъ одѣяніи, «at thar mundi vera kominn Olafur Kongur Tryggvasson», и упрекаетъ его за то, что онъ слагаетъ съ себя царское достоинство, данное ему отъ Бога, и за то, что принимаетъ область отъ царей иноземныхъ и незнакомыхъ (Heims-Kringla, ed. Peringskjöld, p. 746: «Thiggia riki af utlendum kongum oc thier ukunnugum»). Близость отношеній Олафа къ Ярославу ограничивается свойствомъ: является тѣнь предка, напоминающая ему недавность этой связи. Эта обратная перспектива въ прошедшее заставляетъ отказаться отъ желанія извлечь изъ приводимой саги что нибудь о прошедшихъ связяхъ Славянскаго Сѣвера съ Сѣвером Скандинавскимъ. Въ общемъ своемъ ясныя, главы «fra Olaf konge» и «draumur Olafs Kongs» представляютъ одно данное крайне странное: говорю о предположеномъ удѣленіи Олафу Святому области Гардарика съ языческимъ населеніемъ, названной въ сагѣ «Vulgaria.» [1] Ясно, что прямаго и рѣшительнаго объясненія эта подробность получить не можетъ. Трудно даже прямо указать на тотъ источникъ, посредствомъ котораго это имя сдѣлалось извѣстнымъ на Скандинавскомъ Сѣверѣ. Единственную возможность предположительнаго объясненія представляютъ намъ дѣянія Святослава. Его дѣятельность въ Болгаріи имѣла громкую извѣстность. Много на ней останавливается Несторъ, а еще болѣе Византійцы,—Левъ Діаконъ и Георгій Кедринъ. Нѣтъ ничего особенно труднаго въ томъ предположеніи, что Святославовы дружинники, которые также отчасти были постоянно притекавшими пришельцами, какъ и Олеговы и Игоревы Варяги, свидѣвшись съ своими Сѣверными родичами, произносили восторженныя пѣсни своему свободолюбивому конунгу, а эти восторженныя представленія, далекія отъ географической и этнографической точности, могли

[1] Это, можетъ быть, Волжская Булгарія, сосѣдка Гардарики, съ языческимъ населеніемъ. О. Б.

породить смутный взглядъ на эту удаленнѣйшую часть «Austarriki,» который съ поколѣніями неправильнѣе и неправильнѣе преломлялся, пока не дошелъ до той полной неясности, въ которой встрѣчаемъ это данное преданія въ приводимой главѣ. Притомъ замѣтимъ, что и въ Несторѣ можно наслѣдить отрывокъ Скандинавской пѣсни о Святославѣ въ преданіи объ его смерти, занесенномъ во Временникъ. Обычай дѣлать изъ череповъ чаши для пировъ проникнутъ Индо-Европейскимъ стремленіемъ освящать тлѣнные остатки тѣла храненіемъ и почитаніемъ ихъ. Преданіе приписываетъ этотъ актъ храненія Печенѣжскому Князю, по имени Куря. Ошибочно будетъ видѣть въ этомъ признакъ грубости Печенѣжскихъ нравовъ. Напротивъ, это есть перенесеніе коренаго обычая Индо-Европейскихъ племенъ, имѣющаго въ себѣ весьма свѣтлую сторону. Преданіе приписываетъ этотъ актъ почитанія врагу Святославову, имѣя первоначальное побужденіе освятить память витязя даже въ глазахъ враговъ. Этотъ обрядъ имѣетъ особенное отношеніе къ Скандинавской старинѣ, которая засвѣдѣтельствовала этотъ свой обычай въ слѣдующихъ стихахъ одного изъ прекрасныхъ своихъ произведеній (Völundarquida у Пфейффера въ «Altnord. Lesebuch», S. 74, строфы 3 и 4.):

En thaer skâlar	en or augum
er und skörum vâru	jarknasteina
sveip hann útan silfri	sendi hann kunnigri
seldi Nidhahdhi;	konu Nidhadhar.

Еще болѣе важная подробность: слово skâl имѣетъ слѣдующія значенія: «schale, hirnschale; becher, pokal (Pfeiffer, Ibidem, S. 306).

Изъ приведеннаго сопоставленія Несторовыхъ данныхъ, касающихся связи Ярослава съ Скандинавскимъ Сѣверомъ, съ сагами, мы ясно видимъ, что болѣе всего подъ Несторовыми Варягами, начиная отъ Олега до Ярослава, нужно разумѣть тѣ племена, которыхъ Несторъ, въ своемъ обыкновенномъ опредѣленіи имени «Варягъ», называетъ Своями и Урмянами. Прежде нежели повести нить нашего размышленія далѣе, мы позволимъ себѣ нѣкоторое замедленіе.

Путемъ прямыхъ свѣдѣтельствъ, извлекаемыхъ изъ источниковъ Сѣверныхъ, не возможно доказать прастараго сообщенія

Скандинавскаго Сѣвера съ Славянскимъ. Ихъ можно себѣ представить въ далекой перспективѣ исторической и довести до разгранья языческаго міра съ Христіянскимъ: прастарыя Скандинавскія сказанія о прибытіи Одина на Сѣверъ подали поводъ блестящему изображенію этой исторической перспективы незабвенному въ Славянской наукѣ Шафарику, и страницы эти, какъ и все, написанное его перомъ, останутся вѣчными (Slow. Starož., str. 113—125, 353—357). Но въ нашемъ вопросѣ нужны положительныя, скрѣпленныя хронологическими данными, свѣдѣтельства. И съ этой стороны мы не можемъ говорить иначе, какъ устами Шафарика:..... «(ale) zprávy tyto (skandinawské powĕsti) bud'to hmatawě gsau báječné, plaché nerůdy bezuzdné obraznosti spěwcůw normanských, bud'to tak pomatené a wšeho chronologického základu zbawené, že s nimi we kritickém dějepisu ničeho počjti nelze» (str. 496). Но съ совершенѣйшей непререкаемостью приведеннаго мнѣнія Шафарика я нахожу несовмѣстною его склонность видѣть («twrditi nesmjm, mám wšak to za welmi podobné», str. 536) въ Суслахъ Никоновской лѣтописи тѣхъ обитателей Эстляндіи, на которыхъ нападалъ Ингварь, похороненный въ той же области въ Adalsysla (S. S., str. 536 и pozn. 109). Саги представляютъ дважды это имя въ Сѣверной Исторіи. Сага Стурлауга называетъ Ингваря, владѣтеля Алдейгаборга, подъ которымъ Сѣверные источники разумѣютъ Ладогу (Sjögren въ Mém. de l'Acad. de S.-Petersburg, t. II, 1834 г.). Это сказаніе носитъ въ себѣ язву лжи, выдумки: вся сага скроена изъ нелѣпостей (Sjögren, Ibidem.). Кромѣ того въ «Ynglinga saga», встрѣчаемъ Короля Ингваря (относимаго къ VI вѣку?), о которомъ, между прочимъ, она сообщаетъ (H.-Kr., ed. Pergskiöld, p. 41): «Yngvar kongur gerthi frith vith Dani, tok tha at herja um Austur vego».... (p. 42)..... «fell tha Yngvar Kongur, enn lith hanns flythi; hann er heygthur thar vith sia sialfann that er a Athalsyslo» etc.... Въ какомъ отношеніи находятся эти двѣ личности, имѣющія между собой общею ту существенную черту обоихъ сказаній, что дѣятельность ихъ относится къ «Austrvegr»? Кто рѣшитъ это при темнотѣ Сѣверныхъ свѣдѣтельствъ, относящихся къ VI в.? И можно ли приписать достовѣрное какой либо изъ этихъ личностей, не имѣя никакой рѣшительно хронологической опоры въ томъ самомъ памятникѣ, откуда заимствовано данное? Еще

менѣе можно заключить что ни будь изъ подобозвучія втораго члена сложнаго имени «Adalsysla». Syssla—слово Скандинавское, употребляющееся не въ одномъ значеніи «districtus». Syssla, въ томъ же образованіи и въ томъ же родѣ, означаетъ f. negotium, глаголъ syssla (at), negotiari, impetrari; имя существительное sysslan, occupatio, negotium (Biorn. II, p. 264), сложное имя umsyssla f. означаетъ procuratio (Bion. I,. p. 454). Согласно съ этими данными языка, «Syssla» есть образованіе, совершенно подобное Латинскому слову provincia въ обоихъ его значеніяхъ.

Возстановимъ изложеніе.

Если тѣ Варяги, съ которыми мы доселѣ знакомились, составляли въ древней Руси такой измѣнчивый, непостоянный слой населенія Руси, то гдѣ же тѣ исконные Варяги, которыхъ племя Несторъ опредѣляетъ именемъ Русь, наименовавшимъ собою область Сѣверо-Восточныхъ Славянъ? При пересмотрѣ свѣдѣтельствъ Русскихъ о Варягахъ мы замѣчаемъ, что кромѣ, вышеприведенныхъ, есть и такія, которыя заставляютъ дѣлать заключеніе о болѣе постоянномъ, исконномъ Варяжскомъ населеніи, оставившемъ по себѣ преданіе. Но и эти преданія, какъ такія, не имѣютъ никакой хронологической опоры. Я разумѣю преданія Кіево-Печерской Лавры. Какъ ясно изъ договора Игорева, въ его дружинѣ были Христіане и, какъ видно, усердные исповѣдники Христіянскихъ истинъ, ибо имѣли Церковь, а при внукѣ Игоревомъ запечатлѣли свое исповѣданіе мученичествомъ. При этомъ невольно припоминается свѣдѣтельство Свейна у Адама Бременскаго, говорящаго, что многіе изъ его соплеменниковъ пріяли вѣнецъ мученическій, исповѣдуя вѣру Христову. Освѣщая глубокой стариной, Патерикъ Печерскій (изд. 1704 г., л. 210) говоритъ о Печерскомъ кладѣ, хранящемъ Латинскіе сосуды. Слѣды этихъ древнихъ отношеній, оброненные въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ свѣдѣтельствахъ, прекрасно выразились въ относительно-позднее время въ сказаніи о построеніи Печерской Церкви участіемъ Шимона, сына Африканова [1] (изд. 1704 г., л. 104 и слѣд., 107 об., 119 об.), когда уже отъ тѣхъ древнихъ дѣяній остались одни глухіе отголоски.

---

[1] Собственныя имена лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ сказаніи, разберемъ во второй главѣ филологической части.

Въ исторической преемственности и генеалогическомъ преемствѣ Княжеской власти это преданіе изъ Кіево-Печерской обители перешло въ Ростовъ и Суздаль (л. 112). Кромѣ того, что древнее преданіе о кладѣ Кіево-Печерской Лавры не только не отмѣчено хронологическимъ даннымъ но и не даетъ средствъ приблизительнаго ея опредѣленія, оно исходитъ изъ той эпохи, когда имя Варягъ приняло весьма условное значеніе Нѣмецкаго, Латинскаго, и по тому, представляя любопытнѣйшій предметъ археологіи, въ этнографическомъ отношеніи совершенно нѣмо.

У Византійцевъ мы встрѣчаемъ Варяговъвъ назначеніи совершенно условномъ и, при томъ, совершенно независимомъ отъ Русскаго. Видно изо всего, что Греки были издавна въ сношеніяхъ съ Варягами, и этими давними сношеніями установилось ихъ названіе у Византійцевъ, помимо всякаго вліянія со стороны Славянскаго Сѣверо-Востока. Мы имѣемъ даже средство указать на то, что Византійцы не называютъ Варягами тѣхъ людей Сѣверныхъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ привыкъ такъ называть. У Нестора встрѣчаемъ не разъ Владиміра въ союзѣ съ Варягами до принятія имъ Христіянства. Весьма вѣроятно, что и послѣ него продолжались эти сношенія, но лѣтописецъ нашъ, не тѣмъ занятый, болѣе уже ничего не сообщаетъ. Владиміръ «въ SYNH приде съ Варяги Нооугороду» (Тимк. изд., стр. 44). Подъ тѣмъ же годомъ читаемъ (стр. 47): «Посемь рѣша Варязи Володимеру: се градъ нашъ, и мы прияхомъ е, да хочемъ имати окунь на нихъ, по 2 гривѣ отъ человѣка. И рече имъ Володимеръ: пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць. Ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки. [1] Онъ же рече имъ: идѣте. И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице: Царю, се идуть къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то ство-

---

[1] Тѣми же словами говорятъ Варяги Ярославу въ подобномъ же случаѣ (Eym. Sg. Cap. IV.): «Nú bjóthumst vèr til at gerast varnarmenn ríkis thissa, ok gánga hèr á malo, ok toka af ydhr gull ok silfr ok gód kledhi; en ef ydhr sunist eigi thetta radh medh skjótu atkvaedhi, thá tokum vèr thenna sama hlut medh oethrum konúngi, ef thèr visidh oss fra.»

рять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого.» У Кедрина читаемъ (Ed. Bonn., p. 551):... ὁ τότε κατάρχων τοῦ γένους τούτων (i. e. Σκυθῶν) Βλαδιμηρός, ἀνὴρ ὁρμητίας καὶ τὰ πολλὰ τῷ θυμῷ χαριζόμενος, πυθόμενος τὸ συμβὰν καὶ δεινοπαθήσας καί μὴ δοὺς ἀναβολὴν ἢ καιρὸν τῷ κινήματι, τῶν ὑπ' αὐτὸν ἀγείρας ὅσον μάχιμον, προσεταιρισάμενος δὲ καὶ συμμαχικὸν οὐκ ὀλίγον ἀπὸ τῶν κατοικούντων ἐν ταῖς προσάρκτιοις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις ἐθνῶν..... κατὰ τῆς πόλεως ἐξορμᾷ.

И изъ Несторова свѣдѣтельства видно, что Греки должны были знать тѣхъ людей Сѣверныхъ, которыхъ Русскій лѣтописецъ называетъ Варягами, сношенія съ которыми во времена Владиміра засвѣдѣтельствованы сагой Олафа, Триггвіева сына; но они не называютъ ихъ Βάραγγοι. Еще болѣе примѣровъ тотъ же Кедринъ представляетъ для Святославова времени. Эти «жители сѣверныхъ острововъ» не названы Варягами у Кедрина отъ того, что всякій Грекъ слишкомъ привыкъ къ условному, Византійскому представленію о нихъ, какъ о придворной «ἑταιρία». Старѣйшіе Византійцы, упоминающіе часто о Варягахъ (въ формѣ Βάραγγοι) не древни. Они относятся ко второй половинѣ XI-го вѣка: Георгій Кедринъ и, его непосредственный продолжатель, Скилица Куропалатъ. У послѣдняго мы находимъ ихъ въ назначеніи, весьма близкомъ къ тому, въ которомъ они являются и въ нашей старинѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — именно, при убіеніи Ярополка, котораго два Варяга «подъяста мечьми подъ пазусѣ» (Несторъ, изд. Тимк., стр. 47), при убіеніи Бориса и Глѣба. О первомъ весьма ясно говорится: «И се оувидѣвъ, Святополкъ посла два Варяга. И прободоша и мечемь въ сердце» (изд. Срезн., стр. 78 — 79 и кинов. подпись подъ изображеніемъ). Убійцы Глѣба, которыхъ Глѣбъ въ предсмертной своей молитвѣ называетъ «дружиной» (стр. 91), также, вѣроятно, были Варяги, соображаясь съ слѣдующимъ мѣстомъ житія: «Придоша бо единою Варязи близъ мѣста, идеже лежаста подъ землею погребена; и яко единъ въступи, въ томъ часѣ огнь, ишедъ отъ гроба, зажеже нозѣ его. Искочь, нача повѣдати и нозѣ показа дружинѣ опаленѣ иженѣ» (изд. Срезн., стр. 114 и 115 и кинов. надпись подъ изображеніемъ). Въ томъ же назначеніи, являются Βάραγγοι участниками въ династическихъ и придворныхъ которахъ Византіи. Такъ, Скилица Куропалатъ, излагая измѣненія, произведенныя Комниномъ въ гражданскомъ и церковномъ управленіи, послѣ разсказа о

лишеніи духовныхъ ихъ имѣній въ пользу общества («τῷ δημοσίῳ τὸ περισσὸν προσαφώρισε»), изображая надменность Патріарха и намѣреніе Царя убить его, говоритъ (pp. 643 — 644):.... «ἔξεισι μὲν ὁ πατριάρχης εἰς τὸ πρὸ τῆς πόλεως, φιλοτίμων τὰ τῆς ἑορτῆς ἐκτελέσαι σπουδάζων· ὁ δὲ βασιλεὺς..... στῖφος στρατιοτικὸν ἀποστείλας (Βαράγγους αὐτοὺς ἡ κοινὴ ὀνομάζει διάλεκτος» etc.) Тотъ же характеръ ихъ участія въ которахъ и замыслахъ Бріеннія («τοῦ γὰρ Βριεννίου ἀποστατήσαντος καὶ τῶν ἐκτὸς Βαράγγων ὁμοφρονησάντων». Ed. Bonn., p. 737). Царь, въ свою очередь, имѣлъ противъ крамольника Варяговъ («οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάραγγοι ἕνα τινὰ ἑαυτῶν ἐπιλεξάμενοι πρὸς τοὺς ὁμοεθνεῖς ἀποστέλουσιν, ἀξιοῦντες ἀφεῖναι μὲν τὸν ἀποστάτην φρονῆσαι δὲ τά βασιλέως» etc. Ibidem.). Объ партіи мстятъ другъ другу убійствами (.... «ἀναιρεῖται τὸν Ἰωάννην ἐξιόντα τοῦ παλατίου, μαχαίραις ἐθνικαῖς κατακόψας αὐτόν..... ἀντιταξαμένων δὲ τούτοις τῶν τοῦ βασιλέως εἰς ἱκετείας ἐτράποντο, καὶ τὸν βασιλέα ἐξιλιωσάμενοι συγγνώμης ἔτυχον. p. 737 — 738). Позднѣйшія извѣстія о Варягахъ, изъ которыхъ, по нѣкоторымъ, они оказываются съ острова Туле (Анна Комнина), по другимъ Англами (у Кинама, Никиты Хоніята, Кодина), по третьимъ Кельтами (у Пахимера), болѣе всего свѣдѣтельствуютъ, либо объ искуственности (островъ Туле), либо о смутности географическихъ представленій этихъ позднѣйшихъ Византійцевъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи приведенныхъ авторитетовъ, невозможно отнести происхожденіе ихъ къ странѣ Англовъ, какъ это дѣлали прежде. Гретсеръ (apud Goarum, adnotantem ad Scylitzen, p. 834), отождествляя Βάραγγοι съ Φράγγοι, посредствомъ этого, старается поддержать авторитетъ Кодина и другихъ. Но, прежде всего, это отождествленіе не имѣетъ никакого основанія, ибо у Скилицы, котораго авторитетъ гораздо важнѣе, какъ по относительной его древности предъ Кодиномъ, такъ и по достовѣрности имъ сообщаемаго, [1] мы встрѣчаемъ Варяговъ и Франковъ, названными рядомъ безо всякой тѣни смѣшенія ихъ (Ed. Bonn., p. 668: «ὁ δὲ βασιλεὺς στρατὸν ἐπαγό-

[1] Возможно ли довѣрять уху Византійца въ различеніи звуковъ Нѣмецкихъ нарѣчій (Кодиново «γκλίβτι»)? Одно «τὸ γότθικον» должно было поселить недовѣріе къ ихъ передачамъ: оно доселѣ нѣмо для науки. Если Константинъ Багрянородный передалъ относительно вѣрно имена пороговъ, то только по тому, что точно записалъ ихъ съ передачи Славянина.

μενος..... ἔκ τε Μακεδόνων καὶ Βουλγάρων..... πρὸς δὲ καὶ Φράγγων καὶ Βαράγγων»). Изъ ученыхъ, болѣе близкихъ къ современности, связи «Βάραγγοι» съ «Φράγγοι» держался, извѣстный своими трудами въ области литературъ Нѣмецкихъ и Романскихъ нарѣчій, Моне. Свое воззрѣніе высказалъ онъ въ издававшемся имъ повременномъ изданіи «Anzeige fuer die Kunde der Teutschen Vorzeit,» въ статьѣ «Ueber die Franken». Не касаясь остальнаго содержанія, остановимся на близкомъ къ намъ мѣстѣ. Умалчивая о всемъ, чисто мечтательномъ, остановимся на разборѣ слѣдующаго мѣста Константинова продолжателя и, повторившаго его, Симеона Логоѳета: «οἱ Ῥῶς, οἱ καὶ Δρομῖται (Drewier ? спрашиваетъ Моне) λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες.» Приводя это мѣсто, Моне говоритъ: «was nichts anders heiszen kann, als die Russen sind Wärnger, und die Wäringer Franken.» Anzeige, 1835, p. 6). Подъ Δρομῖται [1] Древлянъ разумѣть рѣшительно нельзя, ибо продолжатель Константиновъ не могъ ихъ такимъ образомъ назвать, когда Константинъ ясно называетъ ихъ «Δερβλενίνοι» («De adm. imp. Ed. Bonn., p. 166) наряду съ «Λενζενίνοι». Отождествленіе Франковъ этого мѣста съ Варягами не имѣетъ никакого основанія и можетъ быть оправдано лишь малою начитанностью автора въ Византійцахъ. Кромѣ вышеприведеннаго свѣдѣтельства Скилицы, который отдѣльно приводитъ Варяговъ и Франковъ, противъ этого мнѣнія говоритъ древнѣйшее свѣдѣтельство (899 г.) церемоніймейстера Филоѳея, который ясно приводитъ независимо другъ отъ друга «Φαργάνοι, Χάζαροι», «Ἀγαρήνοι», «Φράγγοι». Φαργάνοι есть весьма возможное искаженіе имени «Βάραγγοι», объясняемое тѣмъ, что наименованіе это изошло изъ «κοίνη διαλέκτος», по свѣдѣтельству Скилицы. Весьма вѣроятно, что въ Византіи оно было извѣстно въ общежитіи гораздо прежде, нежели оно занесено въ Константиновъ и Филоѳеевъ сборники дипломатической казуистики, формулъ и церемоній, въ которыхъ впервые встрѣчаемъ это имя. Хотя прямыхъ свѣдѣтельствъ на это мы нигдѣ не можемъ указать, но замѣтимъ, что не только у Константина его «Φαργάνοι» приводятся въ числѣ «τῶν ἐθνικῶν» наряду съ «Χάζαροι» въ числѣ четырехъ «ἑταιρεῖαι», но и у Скилицы

[1] Удовлетворительнѣйшее объясненіе этого имени представилъ Кругъ въ 1-мъ томѣ своихъ «Forschungen,» хотя заключеній изъ этого объясненія раздѣлять съ нимъ не считаемъ возможнымъ.

въ выше приведенномъ мѣстѣ говорится объ убіеніи Іоанна«μαχαίραις ἐθνικαῖς» Варяговъ. Это представленіе о Варягахъ, какъ объ язычникахъ, могло образоваться не раньше IX-го вѣка, ибо изъ X-го вѣка мы имѣемъ уже прямыя свѣдѣтельства въ нашей Несторовой лѣтописи о Варягахъ мученикахъ, пришедшихъ изъ Греціи, въ Печерскомъ Патерикѣ—о прастаромъ кладѣ Варяжскомъ, состоящемъ изъ церковныхъ сосудовъ и пр. Во всякомъ случаѣ, «Βάραγγοι» и «Φράγγοι» являются во всѣхъ доступныхъ знанію мѣстахъ совершенно отдѣльно, независимо другъ отъ друга. Слѣдовательно, посылка Моне о тождествѣ Франковъ съ Варягами, ведущая къ заключенію о тождествѣ Варяговъ съ Русью, ложна. Повторяемъ: на основаніи прямыхъ свѣдѣтельствъ Византійцевъ, этого утверждать невозможно. Въ ихъ произведеніяхъ Варяги имѣютъ чисто условное и, должно думать, позднѣйшее значеніе, принимая во вниманіе даже и Константина. Но должно ли ограничивать знакомство Грековъ съ Варягами этимъ позднѣйшимъ ихъ значеніемъ? Господствующее мнѣніе о тождествѣ Варяговъ («Βάραγγοι») съ древне-сѣвернымъ «Vaeringjar» не находитъ себѣ оправданія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, ибо существо ихъ вовсе не опредѣляется понятіемъ «foederati». Выслушаемъ самихъ Скандинавовъ. Для сравненія «Варягъ» съ «Vaeringjar» важны были бы сопоставленія съ Византійскими источниками, не саги Гаральда Гардрада, гдѣ встрѣчаются «Vaeringjar», а саги Эймундовой. Наблюденія надъ тѣмъ, какъ Скандинавы привыкли выражать свои отношенія къ Руси, которыя начались, конечно, прежде Греческихъ (ибо путь ихъ лежалъ черезъ земли Сѣверо-Восточныхъ Славянъ), на своемъ родномъ нарѣчіи, приводятъ къ рѣшительному отрицанію понятія о союзѣ: они торговцы, даже и тогда, когда предлагаютъ военныя услуги. Слово vaere (fides) и производное отъ него vaering никогда не встрѣчаются въ сагахъ, ближайшимъ образомъ касающихся Руси. И не могло этого быть: они безпрестанно называютъ себя иностранцами («utlendir menn»), мало могущими судить объ дѣлахъ Руси («fatt kann ek til thess at leggja», Eym.-S.), безпрестанно угрожаютъ измѣной, передачей своихъ услугъ враждебному конунгу и пр. Условіе, договоръ называется или просто «mal», или «kaup» (торгъ), условиться, договориться—«at kaupa» [1] (торговать-

[1] «Kjósidh nú, hvort kaup vort skal standa lengr, edhr.» etc. «Tha kys ek laust kaup

ся). Самое ихъ участіе обозначается весьма страдательными понятіями — «gengi, fylgi». [1] Для понятія договора также употребляется слово «fêlag», [2] по той простой причинѣ, что единственною ихъ цѣлью были «fê» (деньги). Эти отношенія къ основному населенію Сѣверо-Восточной Европы, замѣчаются и за Русью, которыхъ народность опредѣляется Несторомъ именемъ «Варяги.» У Константина Багрянороднаго встрѣчаемъ драгоцѣнное извѣстіе о томъ, что «οἱ Ῥῶς διὰ σπουδῆς ἔχουσιν εἰρήνην ἔχειν μετὰ τῶν Πατζινακιτῶν. Ἀγοράζουσι γὰρ ἐξ αὐτῶν βόας καὶ ἵππους, καὶ πρόβατα, καὶ ἐκ τούτων εὐμαρέστερον διαζῶσι καὶ τρυφερώτερον, ἐπεὶ μηδὲν τῶν προειρημένων ζώων ἐν τῇ Ρωσίᾳ καθέστηκεν.» Послѣднія слова Константиновы несправедливы. [3] Хотя изъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій мы и не можемъ извлечь свѣдѣтельства прямаго о процвѣтаніи скотоводства, но Несторъ же сохранилъ нѣкоторыя древнія реченія и притчи, которыя убѣждаютъ въ томъ, что въ основахъ быта нѣкоторыхъ племенъ должно было быть скотоводство. Мы разумѣемъ слѣдующія слова въ Несторѣ, влагаемыя имъ въ уста Древлянъ: «аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо».... «бяше бо мужь твоій аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю». Весьма вѣроятно, что и Русь, утвердившаяся на почвѣ Сѣверо-Восточныхъ Славянъ, брала дань предметами, особенно выгодными для торговли, и на нихъ вымѣнивала, руководясь выгодами, предметы своихъ потребностей. [4] Притомъ, Сѣверныя шайки не могли застать хозяйственную жизнь

---

vort»... «Kaupa their nu enn samen um 12 manudhi». Eym. Sg. c. VI. «Ok munum vèr enn heldr kaupa vidh hann thessa 12 mánudhi». Ibidem. c. VIII.

[1] Eym.-Sg., c. X: «hvort ther kjosidh oss til ydhvar edhr frá, edhr hvort thu thikist nokkut thursa vors gengis. Já, segir konúngr, fusir vaerum vèr til ydhvars fylgis» etc.

[2] «Hvort.... edhr viltu nú at skili medh oss vort fèlag» etc.

[3] Замѣтимъ, что извѣстіе Константиново можетъ имѣть значеніе только обратное — къ прошедшему, къ старинѣ: къ Ольгѣ это не можетъ быть отнесено, ибо изъ Нестора мы знакомы съ ея внутреннимъ урядомъ.

[4] Этимъ отношеніямъ совершенно соотвѣтствуетъ наименованіе «*Πακτιῶται*», которое трижды придаетъ Константинъ къ имени «*Ῥῶς*»: 1) Ed. Bon., p. 75: «*οἱ δὲ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται αὐτῶν, οἱ Κριβηταινοὶ λεγόμενοι καὶ οἱ*

Славянъ въ ея первобытномъ состояніи, ибо мѣна уже должна была начаться съ Хозарами. «Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки.» Путь былъ, конечно, торговый: Варяги, и торговали на пути, и дѣлали путь для торговли съ другими землями. Древнѣйшія данныя Сѣверныхъ сагъ, передающихъ въ нихъ весьма не ясные отголоски старины, свѣдѣтельствуютъ и о враждебныхъ отношеніяхъ Указываемъ на извѣстное уже намъ мѣсто «Ynglinga-saga» о Ингварѣ: «var athur Sviariki mioc herscat, baethe af Doenom oc Austurvegs monnum.» Это свѣдѣніе можетъ быть провѣрено извѣстіемъ Мукадеси, говорящимъ о нападеніяхъ и грабежахъ, которымъ подвергалась Русь отъ Славянъ (Френъ стр. 2. Ср. выше). За тѣмъ сага продолжаетъ: «Ingvar Kongur gerthi frith vith Dania; toc tha at herja um Austur vego.» Что Славянская почва привыкла принимать къ себѣ Варяговъ, какъ купцовъ, видно изъ средства обмануть, который выбралъ Олегъ: «гость есмь, идемъ въ Греки.» На сколько могутъ убѣдить эти скудныя данныя языка и исторіи, я считаю болѣе вѣроятнымъ слѣдующее объясненіе слова «Варягъ» («Βάραγγοι.)» Я предполагаю образованіе varîng (въ смыслѣ «mercenarius») отъ слова vara (f. merx. Vare. Biorn. II, p. 410). Вотъ оправданія моего производства. Отсутствіе перегласовки по вліянію i не противорѣчитъ производству, ибо тоже замѣчаемъ въ слѣдующихъ образованіяхъ: van-îngi (n. pr.), hadd-îngi (n. pr.), arm-îngi (pauperculus), band-îngi (vinctus), arv-îng (Grimm. D. Gr., II, p. 355). Соединяемость корня var съ суффиксомъ îng доказывается формой varn-îngr (m. merces, Vare, Gods. Biorn. II, p. 412, Cf. Grimm. D. Gr., II, p. 351), формою, весьма близкою къ нашей, если взять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Производство съ *n* весьма часто, по ученію Гримма, производится неорганически. Это глагольное производящее окончаніе въ нашемъ реченіи (varn-îngr) присоединено къ слову, которое въ глагольныхъ образованіяхъ вовсе не встрѣчается: тѣмъ болѣе можемъ мы дать ему значеніе неорга-

---

Λενζανῆνοι καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι»; 2) **ibidem:**..... «*Βιτετζέβη, ὅπερ ἐστὶ πακτιωτικὸν κάστρον τῶν Ῥῶς»*; 3) p. 79:.... «*ἄρχοντες ἐξέρχονται.... καὶ ἀπέρχονται.... εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων, ὅτινές εἰσι πακτιῶται τῶν Ῥῶς».*

ническаго образованія. Большая часть реченій на ing съ значеніемъ вещи предполагаетъ древнѣйшее значеніе лица и представляетъ собой нечто иное, какъ олицетворенія (Grimm, D. Gr., II, p. 364). Съ значеніемъ лица должно было ходить въ древности реченіе varîngr и потомъ уже уступить мѣсто образованію «kaupmadr» (Biorn. I, p. 446), новость котораго ясна.

Добывши понятіе «Варягъ», мы не объяснили еще себѣ Руси. Потому-то мы и называемъ опредѣленіе «Руси» именемъ «Варягъ» у Нестора объективнымъ. Эти два имени не сходятся; представленія, скрывающіяся въ нихъ, другъ друга не покрываютъ, какъ видимъ. Слѣдовательно, Несторъ, опредѣляя однихъ другими, не могъ исходить при этомъ изъ наблюденій надъ современнымъ ему состояніемъ «Руси» и «Варягъ», ибо въ его живой современности и въ ближайшемъ къ ней прошедшемъ подъ ними разумѣлись лица совершенно различныя. Какъ раскрыть тайну логическаго хода, приведшаго Нестора къ заключенію о родствѣ Руси съ Варягами? Самъ Несторъ не раскрываетъ ее. Онъ, какъ истый хронистъ, «полагаетъ числа» съ царствованія Михаила, когда «нача ся прозывати Руска земля». Заимствуя данное 866 г. (Krug, Forschungen, I, SS. 138, 159; II, S. 355) и данныя греческаго лѣтописанія, онъ, также не раскрывая посылокъ своего заключенія, приписываетъ походъ, изображенный въ немъ, Аскольду и Диру. Предваряя о своемъ счисленіи (изд. Тимк., стр. 11), Несторъ говоритъ въ началѣ: «о семь бо оувѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмь,» не называя Греческаго хрониста и не приписывая похода Аскольду и Диру. Изъ другихъ его указаній видно, что называть свой источникъ по имени онъ не прочь. Но именно здѣсь онъ его не назвалъ. Этотъ источникъ ближайшимъ образомъ можетъ быть указанъ въ безъименномъ продолжателѣ Георгія Амартола, присоединяемомъ къ Георгію, какъ въ Греческихъ, такъ и въ Славянскихъ древлепереведенныхъ текстахъ.

Г. А., изд. Муральтомъ. стр. 736.

Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐξεστράτευσε κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν καταλιπὼν ἐν τῇ πόλει (ταύτην φυλάττειν) Ὠορύφαν ὕπαρχον (ὄντα), ὅστις, οὔπω τοῦ βασιλέως μηδὲν ἐξ ὧν ἐμελέτα καὶ κατὰ νοῦν εἶχεν ἐργασαμένου, τὴν τῶν ἀθέων Ῥῶς ἐμήνυσεν ἄφιξιν, γεγηνεμένου ἤδη κατὰ τὸν Μαυροπόταμον. Καὶ ὁ μὲν βασιλεὺς καὶ τῆς ἐρχομένης μετεσχέθη ὁδοῦ καὶ δι' ἣν ταύτην αφῆκεν, οὐδὲν βασιλικὸν καὶ γενναῖον εἰργάσατο. Οἱ δὲ Ῥῶς φθάσαντες ἔνδον τοῦ Ἱεροῦ γενέσθαι, πολὺν εἴργάσαντο φόνον χριστιανῶν καὶ ἀθῶον αἷμα ἐξέχεον. ὑπῆρχον δὲ πλοῖα σʹ, ἃ περιεκύκλωσαν τὴν πόλιν (καὶ πολὺν φόβον, τοῖς ἔνδοθεν ἐνεποίησαν). Ὁ δὲ βασιλεὺς καταλαβὼν μόλις ἴσχυσε διεπερᾶσαι, καὶ δὴ σὺν τῷ πατριάρχῃ Φωτίῳ εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις ναὸν τῆς τοῦ Θεοῦ μητρὸς παρεγένοντο κἀκεῖ τὸ Θεῖον ἐξιλεοῦντο καὶ εὐμενίζοντο. εἶτα μετ' ὑμνῳδίας τὸ ἅγιον τῆς Θεοτόκου ἐξαγαγόντες ὠμοφόριον, τῇ θαλάσσῃ ἄκρως προσέβαψαν. καὶ νηνεμίας οὔσης, εὐθὺς ἀνέμων ἐπιφορὰ καὶ, τῆς θαλάσσης ἠρεμούσης, κυμάτων ἐπαναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγένοντο, καὶ τὰ τῶν ἀθέων Ῥῶς πλοῖα κατεάγησαν, ὀλίγων ἐκπεφευγόντων τὸν κίνδυνον. [1]

Сербская рукопись Син. библ. *№* 148.

Цр҃ь же изыде воевати на агараны. ѡставль въ градѣ Ѡрифа ипарха, иже не оу цареви ни ѿ ихже пооучавашесе и въ оумѣ имѣаше творимоу. безбожный роусь възвѣсти нашьствие. бывшоу оуже оу Мавропотама. и цр҃ь оубо и пришьствиѧ поути оудрьжасе. и чесо дѣлѧ сиѧ ѡстави, ничесо же цр҃ьско и моужьско сьдѣла. Роуси же приспѣвше вьноутрь быти цр҃кве. много сьдѣлаше оубииство хр҃тїаномь. и неповинноу кровь пролиѧше. бѣхоу же корабле .с҃. иже ѡкроужише градь и многь страхь вьноутрь соущїимь сьтворише. цр҃ь же оувѣдѣвь едва възможе прѣити. и сь патрїархомь фотиемь, вь влахерноу приидоста и тоу б҃а молѧхоу, таже сь пѣсньми ст҃ыи б҃городице изнесше ѡмофорь, вь море краи ѡмочише. и тишинѣ соущи, абие вѣтромь нахтие, и морю вьзмоутившоусе, вльнамь вьстанїе често бы. и безбожныхь роусь корабле погрезоше, малемь оубѣгшемь ѿ бѣды.

Ср. Нестора. изд. Тимк. стр. 13. Шлецеровъ Несторъ II, S. 221 — 227.

Собравши и оцѣнивши древнія свѣдѣтельства, нашему знанію доступныя, мы пришли къ слѣдующимъ соображеніямъ относительно Руси. Судя по подробностямъ быта и языка, дошедшимъ

---

[1] Я ограничиваюсь лишь этимъ указаніемъ, не осмѣливаясь вести вопросъ о Несторовомъ источникѣ дальше, въ ожиданіи изданія трудовъ В. М. Ундольскаго.

до насъ отъ древней Руси у тѣхъ древнихъ писателей, которые ясно различаютъ ихъ отъ Славянъ, они — Норманны. Относительно болѣе частнаго опредѣленія ихъ народности не можемъ дать рѣшительно никакихъ разъясненій. Имя же ихъ не считаемъ возможнымъ производить ни отъ Финскаго названія Шведовъ, ни отъ Грековъ, наименовавшихъ ихъ, по ученію Круга (Forschungen, I, SS. 207 — 216), будто бы своимъ словомъ ῥοῦσιος, будто бы могущимъ перейти въ форму имени Ῥῶς. Въ слабости перваго мнѣнія убѣдится всякій внимательный читатель, получившій филологическое образованіе, вникнувши въ то, что говоритъ г. Куникъ на стрр. 160 — 167 перваго тома своего сочиненія «Ueber die Berufung etc.» Что до насъ, мы не только не видимъ возможности произвести «Русь» отъ Финскаго «Ruohti, Ruotti, Ruotsi», но до того считаемъ себя чуждыми подобной мечты, что никакимъ образомъ не можемъ найти точку опоры и для возраженія.

Мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ объясненіе имени «Русь» Славянскимъ словомъ въ значеніи «ξανθός, λεύκος», которымъ [на]именовали Славяне Сѣверо-Восточные своихъ Сѣверныхъ насельниковъ по, бросившейся имъ въ глаза, рѣзкой особенности Сѣверно-Нѣмецкаго племени, издавна засвѣдѣтельствованной древностью (Tacitus, Germania, cap. IV и комментаторы къ ней). Припомнимъ мѣсто Арабскаго Географа, называющаго «Русь» самыми бѣлокурыми изъ Славянъ, извѣстное свѣдѣтельство Лиутпранда, видѣвшаго «Русь» въ Константинополѣ, о томъ, что «Русь» названа такъ по особенности ихъ тѣлеснаго вида. «Suiones», явившіеся въ 839 въ Ингельгеймъ, выбрали свой псевдонимъ, разсчитывая на то, что никакимъ путемъ не могло дойти до Запада то имя, которымъ ихъ зовутъ непріязненныя имъ, далекія «immanissimae gentes» и что имя Царя, которымъ называли тѣже «immanissimae gentes», того насильника, которому они тогда еще платили дань, Кагана Хозарскаго, также не могло быть извѣстнымъ на Западѣ. Характеризуя новое племя, народъ не сравниваетъ его съ собою, а съ другими племенами, уже извѣстными ему. Не мудрено, что бросилась въ глаза Славянъ рѣзкая особенность Сѣверно-Нѣмецкаго племени, въ глаза Славянъ, привыкшихъ къ цвѣту Турецкихъ племенъ. Со стороны грамматическаго окончанія «ь» возраженій сдѣлать нельзя. Индо-Европейскія племена склонны образовывать

слова съ значеніемъ племени, толпы, множества въ формѣ женскаго рода. Такъ, обращаясь къ Германскимъ нарѣчіямъ, мы находимъ большинство словъ, означающихъ племя и пр. въ женскомъ родѣ: Гот. thiuda, Дрскс. thiod, Англоскс. thëod, Др.-Сѣв. thiod — всѣ женскаго рода; также Др.-Сѣв. liod, drôtt, mûgi; Гот. managei и пр. (Grimm, D. Gr., 3, S. 471—475). «Das femininum schickt sich für den Begriff der Ausdehnung», по словамъ Гримма. Въ этихъ явленіяхъ словотворчества языкъ находится на древней ступени образованія числительныхъ именъ, которыя, по сродству своему съ понятіемъ «множества», также представляютъ часто формы женскаго рода. Это явленіе замѣчается въ Славянскихъ языкахъ, которые представляютъ примѣры согласованія прилагательнаго съ числительнымъ «пять», «семь», какъ съ именами существительными женскаго рода въ память сѣдой старины. Для наблюденій надъ древними образованіями именъ народныхъ любопытны формы народныхъ именъ иноплеменниковъ: матеріяльный составъ имени — чужой, на долю Славянъ остается одно окончаніе. И въ нихъ-то мы видимъ всего чаще окончанія женскаго рода. Таковы названія Финскихъ племенъ у Нестора, между которыми находимъ нѣкоторыя именно съ окончаніемъ ь, — Весь, Пермь, большинство же съ *а*; но всѣ — женскаго рода. [1]

ЧАСТЬ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ.

1. РАЗБОРЪ НАЗВАНІЙ ДНѢПРОВСКИХЪ ПОРОГОВЪ, ПРИВОДИМЫХЪ КОНСТАНТИНОМЪ БАГРЯНОРОДНЫМЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ «de administrando imperio». Κεφάλαιον θ.′ (ed. bonn., pp. 74—80).

Прежде нежели приступимъ къ частнымъ изслѣдованіямъ, остановимъ вниманіе на отношеніяхъ, въ какихъ находятся между собою Русскія названія съ Славянскими въ Константиновомъ извѣстіи о порогахъ, и озаботимся вопросомъ о Константиновомъ источникѣ. Мнѣніе Лерберга (Untersuchungen, S 378) о Славянскомъ

---

[1] На сколько существенна и постоянна склонность Индо-Европейскихъ языковъ выражать представленія множества формами женскаго рода, осязательно поучаетъ скр. himâni, въ значеніи «множество льду», образованное расширеніемъ согласной темы *an* и присоединеніемъ окончанія ж. рода i отъ сущ. им. въ муж. р. hima (ледъ, снѣгъ). См. Benfey «Orient und Occident», 1862, S. 277.

происхожденіи Константинова источника неопровержимо. Этимологическій разборъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, укажетъ на то, что, при относительной вѣрности, Славянскій источникъ неточно передавалъ Русскія названія, подвергая ихъ иногда произвольнымъ искаженіямъ, весьма яснымъ для того, кто знакомъ съ Славянскимъ воспріятіемъ Древне-Сѣверныхъ звуковъ по именамъ договоровъ. Неточность передачи, въ которой источникъ, можетъ быть, предупредилъ Константина, была причиной того, что въ числѣ Русскихъ именъ находимъ одно съ Греческимъ окончаніемъ, именно «Βαρουφόρος». Этого равнодушія къ окончанію въ Славянскихъ названіяхъ вовсе не замѣчаемъ. Послѣднія переданы съ точностью безукоризненною, съ соблюденіемъ полугласныхъ, тогда еще, какъ видно, въ произношеніи слышныхъ. Но, если въ неточной передачѣ Русскихъ именъ былъ виновенъ Славянскій источникъ, то кое въ чемъ оказывается небрежнымъ и самъ Константинъ. При названіяхъ перваго порога выпало его Русское имя, при названіяхъ третьяго Славянское. Ошибка принадлежитъ Константину. Современное названіе порога «Звонецъ» Лербергъ хотѣлъ спасти поправкою въ текстѣ; [1] но эта поправка, какъ ни остроумна она, не можетъ остаться безъ возраженій. Во первыхъ, палеографія найдетъ себѣ предметъ сомнѣнія въ ней: многочисленныя лигатуры Греческаго письма даже и X—XIII вв. не такъ-то легко допустятъ прыжокъ съ слога «ιστι» на слово «ἔστι«, хотя въ однообразной печати онъ и кажется весьма легкимъ. Во вторыхъ, контекстъ рѣшительно отвергаетъ Лербергову поправку, ибо ни разу при собственныхъ именахъ пороговъ не находимъ глагола «ἑρμηνεύειν», а приводятся они, постоянно предшествуемыя нарѣчіями — «Ῥωσιστὶ... Σκλαβινιστὶ»; глаголъ же «ἑρμηνεύειν», что и естественно, стоитъ при Греческомъ толкованіи варварскихъ именъ. Досель контекстъ мѣста. Остается еще принять въ разсчетъ общій характеръ Константинова слога: онъ отличается однообразною простотою, нѣкоторою чиновностью. Мы готовы не сомнѣваться въ томъ, что Славянскій источникъ, во всемъ точный, и въ передачѣ имени третьяго порога былъ равно точенъ, назвавши и Славянское имя порога, носящаго Русское имя «Γελανδρι». Но Константинъ не занесъ его, передавши лишь значеніе его, тож-

[1] «Γελ ηδρὶ ὅ ἑρμηνεύεται ΣκλαβινιΣΤΙ (σβονετς ὅ εΣΤΙ) ἦχος φραγγοῖ». Untersuchungen, S. 360.

дественное Русскому, по Гречески, въ слѣдствіе чего порядокъ построенія возмутился, и глаголъ «ἑρμηνεύειν» соединился съ нарѣчіемъ «Σκλαβινιστὶ», хотя онъ относится къ Греческому выраженію значенія Русскаго имени. Потому же поводу и также порядокъ возмущенъ и при названіи перваго порога, гдѣ пропущено Русское названіе порога. Возстановленіе начальнаго «N» въ «Νεσσουπῆ», которому предшествуетъ слово «ἐπονομαζόμενον», оканчивающееся на «N», вызываетъ полное довѣріе. Въ литературѣ вопроса ему, кажется, не нашлось дѣльнаго возражателя Слова «ὃ ἑρμηνεύεται Ῥωσσιστὶ καὶ Σκλαβινιστὶ» — объясняются тою же неточностью Константина: Русскаго названія онъ не записалъ съ устъ источника, а, узнавши значеніе его, отнесъ его Греческое выраженіе къ обоимъ варварскимъ названіямъ. Стремясь къ ненарушимому порядку, Лербергъ (Untersuchungen, SS. 350—356) хочетъ распространить Славянское «Несупи» и на Русское, будто бы, по сходству, въ немъ не вполнѣ ясно отозвавшееся. Для этой цѣли предполагаются два отрицанія — ne-praefixum и e-suffixum, изъ чего, изволите видѣть, составляется — «ne-suef-e». Въ основаніяхъ своихъ построеніе неметодичное! Прежде всего: примѣры именно такого двойнаго отрицанія нужно было бы привести не изъ Англосаксонскаго, не изъ нижне-Нѣмецкаго нарѣчій, и тѣмъ еще менѣе изъ «Vicar of Wakefield«, а изъ Древне-Сѣвернаго, что невозможно. Настолько же неметодично было со стороны ученѣйшаго и даровитѣйшаго, хотя и раздѣляющаго неуспѣхи своего времени, Лерберга возстановлять отрицаніе e-suffixum изъ Шведскаго нарѣчія. Здѣсь единственное правило — нарѣчіе Древне-Сѣверное. Если принять для Русскаго названія туже форму повелительнаго наклоненія, что и для Славянскаго, то окажется первое вовсе не на столько близкимъ ко второму, на сколько то казалось изслѣдователямъ, ибо въ древнемъ языкѣ Скандинавовъ была особенная форма отрицанія при повелительномъ наклоненіи, а именно at въ положеніи позади (postpositio), и, при томъ, только въ древнѣйшую его эпоху. Приведемъ примѣры. Skâldskaparmâl: «vaxattû nû Vimur» (Pfeiffer, Altnord Lesebuch, S. 48); «munat tû halda Hleidhrar stôli» (Ibid. 8. 57,); Sigurdharkvidha: «skalattû leyna» (Ibid., p. 63). И замѣтимъ, при томъ, что это отрицаніе постоянно сопровождается мѣстоименіемъ 2-го лица ед. ч. «thu». На этомъ основаніи, отвергаю предположеніе Лерберга и нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ.

Теперь обратимся къ самому тексту Константинову въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ.

Имя перваго порога Νεσσουπῆ («ὃ ἑρμηνεύεται Ρωσσιστὶ καὶ Σκλαβινιστὶ μὴ κοιμάσαι») будетъ особенно ясно въ своемъ Славянскомъ происхожденіи, если для его объясненія мы привлечемъ ко свѣдѣтельству древнюю правопись корня «съп,» родственнаго съ scr. svap (Bopp, Gloss. scr., pp. 394—395) и отождествимъ Νεσσουπῆ съ древней формой повел. накл. «не съпи». Употребленіе повелительнаго наклоненія съ цѣлями словообразовательными засвѣдѣтельствовано Санскритомъ въ его сложномъ имени «aprêhi svâgata» (Bopp, Gram, Crit., p. 291). [1] Существованіе такого словообразовательнаго оборота засвѣдѣтельствовано обиліемъ примѣровъ въ Древне-Русскомъ нарѣчіи, и особенно въ лѣтописяхъ, на немъ писанныхъ (Полное Собраніе Русс. лѣтоп., въ разныхъ мѣстахъ). [2] Но дѣло въ томъ, что, для оправданія свѣдѣтельства Константинова, доказательство въ равной мѣрѣ нужно, какъ для Славянскихъ названій, такъ и для Нѣмецкихъ, ибо къ этому послѣднему корню относится Русское названіе перваго порога, хотя и не названное Константиномъ. Не говоря о собственныхъ именахъ личныхъ, въ обиліи попадающихся въ Нѣмецкихъ памятникахъ весьма различныхъ вѣковъ и мѣстностей (Grimm, II, S. 961), встрѣчаемъ, что для насъ гораздо важнѣе, характеристику мѣстностей образованіями, въ составъ которыхъ входитъ повелительное наклоненіе, такъ, на пр., wart-ein-weil (Grimm, II, S. 962), по значенію дѣйствія, имъ выражаемаго, весьма близкое къ нашему не суни, ибо оба содержатъ въ себѣ увѣщанія къ бодрствованію, предостереженіе.

«Καὶ κατέρχονται εἰς τὸν ἕτερον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσσιστὶ μὲν Οὐλβορσί, Σκλαβινιστὶ δὲ Ὀστροβουνίπραγ, ὅπερ ἑρμηνεύεται τό νησίον τοῦ φραγμοῦ. Ἔστι κἀκεῖνος, ὅμοιος τῷ πρωτῷ, χαλεπός τε καὶ δυσδιέξοδος, etc.»

---

[1] Pott (Ueber die Personennamen, S. 613) выражается, по поводу этой формы, слѣдующимъ образомъ: Vgl. Etym. Forsch., II, 391) «wo ich noch geltend machen moechte. wie der Imperativ seiner Kuerzung wegen formell oft der Verbalwurzel naehert» (см. это мѣсто въ переработанномъ 2-мъ изд. указаннаго сочиненія, II томъ, изд. 1861 г., стр. 660 — 665). Но примѣры дѣйствительной близости повел. накл. къ глаг. корню совершенно не объясняютъ приведеннаго сложнаго слова, ибо въ немъ видимъ весьма тяжелое личное окончаніе втораго лица.

[2] Cf. Pott, Personennamen, 58. Grimm, Gram., II, S. 963.

Первый членъ сложнаго Русскаго имени («ὀΰλ») порога всѣми изслѣдователями объясняется Скандинавкимъ «hólmi» (insula, Biorn, Lex. Isl.-lat.-danicum, I, p. 378). [1] Выражу свое сомнѣніе. M передъ β тѣмъ менѣе могло выпасть, что Греческое ухо Константина привыкло къ сочетанію μ съ эвфоническою б. β (Vergl. Gram. der Griech. und Lat. Spr. von Leo Meyer. 1861. I, S. 273). Если бы Константинъ слышалъ точную передачу имени такого состава, то самъ отъ себя не исказилъ бы его. Остается сложить вину опущенія «μ» на Славянскій его источникъ. Въ дѣлѣ, столь древнемъ и имѣющемъ при томъ столько посредствъ, рѣшеніе едва ли возможно.

Мнѣ, впрочемъ, не кажется необходимымъ дѣлать значеніе толкованія «τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ» обязательнымъ равно для обоихъ названій втораго порога, какъ Славянскаго, такъ и Русскаго. Весьма вѣроятно (и, надѣемся, это вѣроятіе обратится въ достовѣрность доказательной силою другихъ названій), что Славянинъ толковалъ такъ или иначе, съ большей или меньшей близостью лишь свои, отечественныя названія, безъ увѣренности въ ихъ тождественности съ Русскими, а Константинъ и тѣмъ менѣе могъ собственными силами опредѣлить ихъ отношенія. Второй порогъ описывается Константиномъ, какъ «χαλεπός τε καὶ ὀυσσιέξοδος». Съ природой порога мнѣ кажется совершенно согласнымъ произвести его Русское имя отъ Скандинавскаго hol (n. cavitas. Biorn, I, p. 377), которое въ реченіи «nedra hollíkama» имѣетъ значеніе «abdomen», или отъ «hola» (f. foramen, os, caverna. Biorn, I, p. 378), что въ сочетаніи съ fors [2] (m. cataracta fluminis, praeceps lapsus. Biorn, l. l. I, p. 236), получитъ значеніе «ямистаго порога». Выпускъ гортаннаго придыханія (h) въ началѣ словъ предъ гласною никакимъ образомъ не можетъ представить препятствія нашему производству. Въ разборѣ именъ договоровъ мы будемъ имѣть случай указать, какъ часто опускается оно въ руническихъ надписяхъ.

---

[1] Мы болѣе согласны съ этимъ производствомъ Струве и Гунмана, которое допускаетъ и Лербергъ въ 4 прим. къ стр. 358, хотя на стр. 357 болѣе вниманія посвящаетъ производству отъ Ниж.-Нѣм. «worth, wurth», но, по нашему мнѣнію, безплодно.

[2] О смѣнѣ o съ u см. Sjögren. Erklärung des Wortes «Іуда» (Mémoires de l' Académie de S.-Petersbourg, T. II, 1834, S. 574, Anm. 89 (p. 587).

Я не ощущаю большой необходимости въ передѣлкѣ «Ostrownй Prag» изъ «Ostrowuni prach», предлагаемой Лербергомъ (l. l. p. 357), ибо нахожу въ послѣдней формѣ слѣдъ полугласной.

Τὸν τρίτον φραγμὸν τὸν λεγόμενον Γελανδρί, ὃ ἑρμηνεύεται Σκλαβινιστὶ ἦχος φραγμοῦ.

Объ этомъ мѣстѣ Константина мы имѣли уже случай объясниться въ предварительномъ замѣчаніи. Относительно Русскаго имени совершенно согласны съ толкованіемъ Лерберга [1] и Шафарика. [2] Напомнимъ лишь себѣ въ дополненіе, что въ Сѣверномъ языкѣ причастныя формы часто употребляются въ смыслѣ именъ существительныхъ; такъ, на пр.: «elskandi, fjândi, froendi, bòndi» (Pfeiffer, Alt.-nord. Lesebuch, SS. 171 — 172, § 227). А въ окончаніи andi (=andr) «*a*» совершенно правильно осталось безъ перегласовки, виѣ вліянія оканчивающаго форму i (Ibidem, S. 153, § 114).

Εἶθ οὕτως τὸν τέταρτον φραγμόν, τὸν μέγαν, τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσσιστὶ μὲν Ἀειφαρ, Σκλαβινιστὶ δὲ Νεασήτ, διότι φωλεύουσιν οἱ πελεκᾶνοι εἰς τὰ λιθάρια τοῦ φραγμοῦ.

Относительно Славянскаго названія мы совершенно спокойно можемъ повторить Константиново толкованіе («διότι—τοῦ φραγμοῦ»). Лербергово производство представляетъ трудности относительно значенія «aefr» (fervidus), которымъ онъ хочетъ объяснить порогъ, носящій Русское названіе «Ἀειφαρ». Намъ представляется это Русское названіе сложнымъ именемъ, въ составныхъ частяхъ котораго мы на столько же увѣрены, на сколько и въ значеніи его. Слогъ ἀει — случайнымъ образомъ представляетъ въ этомъ имени то Греческое слово, которое и по созвучію и по этимологіи тождественно тому Скандинавскому, отъ котораго мы производимъ эту составную часть Русскаго названія четвертаго порога. Первый составной членъ имени Ἀειφαρ сличаемъ съ Древне-Сѣвернымъ æ, второй съ far тогоже нарѣчія. Объясняюсь подробно. Древне-Сѣверное æ (semper) неопровержимо сличается Яковомъ Гриммомъ (D. Gr., I., S. 293) съ Гот. áiv, которое въ формѣ имени существительнаго муж. pp. áivs переводитъ у Ульфилы «κόσμος, αἰών»

---

[1] Untersuchungen, SS. 339 — 361.

[2] Slowanské Staro., str. 559.

и въ различныхъ своихъ образованіяхъ и сложеніяхъ является въ значеніи μόγις (halis-áiv), suns-áiv (εὐθέως) и пр. (Dieffenbach, Vergl. Wbuch der Goth. Spr., I., S. 26; Loebe und Gabelentz, Ulfila, II, *l.*, p. 8). Нарѣчное образованіе æ въ Древне-Сѣверномъ имѣетъ, какъ нарѣчное, постоянное значеніе—semper, но, судя по смѣнѣ Готскихъ значеній, оно легко могло древле имѣть значеніе продолжительности, и, особенно, если припомнимъ склонность нарѣчій къ старинѣ. Нарѣчіе, имѣющее значеніе — semper, какъ всѣмъ извѣстно, образуется въ Индо-Европейскихъ языкахъ отъ корней мѣстоименныхъ, и, такимъ образомъ сложившіяся нарѣчія, трудно сводятся къ значенію, болѣе первоначальному. Но нашъ случай совершенно иной.

Въ соединеніи съ-«far» (n. iter, motus. Biorn, I., p. 195) нарѣчіе æ, здѣсь являющееся въ прилагательномъ значеніи, составитъ значеніе «продолжительнаго пути,» которое совершенно согласно съ Константиновымъ описаніемъ порога (.... «καὶ τὰς βίγλας οὗτοι διὰ τοὺς Πατζινακίτας ἄγρυπνως φυλάττουσιν. οἱ δὲ λοιποὶ τὰ πράγματα ἅπερ ἔχουσιν εἰς τὰ μονόξυλα ἀναλαμβόμενοι, τὰ ψυχάρια μετὰ τῶν ἁλύσεων διὰ τοῦ ξηροῦ αὐτὰ διαβιβάζουσι μίλια ἓξ, ἕως ἂν διέλθωσι τὸν φραγμόν).

Остается оправдать произношеніе æ ἀει, тождественное съ Греческимъ ἀεὶ, сроднымъ съ Гот. áiv, а слѣдовательно и съ Древне-Сѣвернымъ æ. Готское ái въ Древне-Сѣверныхъ своихъ представителяхъ являетъ весьма живую смѣну œ и ei (Grimm, D. Gr., I, S. 293), изъ которыхъ послѣднее даже изображалось группой трифтонга æi, этимъ своимъ начертаніемъ подавая графическое, самое непосредственное, подтвержденіе своего ближайшаго родства съ перегласовкою æ. Въ древнихъ рукописяхъ Hymisgvid-ы пишется vœidhar, tœina, tœitr, lœit и пр. Для оцѣнки этихъ явленій достаточно привести слѣдующее о нихъ сужденіе Якова Гримма: «das ist zwar nicht nachzuahmen, aber den Ursprung aus einem aelteren ai und den accent auf éi beweist (D. Gr., I, S. 295).

Τὸν πέμπτον φραγμὸν τὸν ἐπονομαζόμενον Ῥωσσιστὶ μὲν Βαρουφόρος, Σκλαβινιστὶ δὲ Βουλνηπραχ, δίοτι μεγάλην λίμνην ἀποτελεῖ.

Славянское названіе этого порога толковали сначала «вольный порогъ», въ согласіи съ Константиновымъ извѣстіемъ, приведеннымъ выше («διότι κ. τ. λ.»). Начиная съ Байера стали сомнѣ-

ваться въ вѣрности этого толкованія, пока Лербергъ не только отвергъ его, но, увлекшись данными новыхъ путешествій и, на основаніи ихъ, отвергши прежнее толкованіе, покусился на текстъ Константинова извѣстія, и исправилъ Λιμνην въ δινην [1] (Untersuchungen. S. 367). Шафарикъ (Slowanskė Starož., str., 560), умалчивая о Лербергової поправкѣ, даетъ предпочтеніе новымъ данным и, согласно съ ними, толкуетъ «влъняный прагъ» («cataracta fluctibus abundans»). Но, спросимъ, какой порогъ не «влънянъ»? Болѣе или менѣе всякій. Такое названіе такъ блѣдно и не выразительно, что внутреннее чувство одно отвращаетъ насъ отъ толкованія имъ Константиновыхъ именъ. Притомъ, странное противорѣчіе Константиновыхъ данныхъ съ новыми и, связанная съ нимъ, произвольная поправка Лерберга въ одинаковой мѣрѣ не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Замѣтимъ еще разъ, что толкованія «влъняный прагъ» основывается рѣшительно на одномъ топографическомъ недоразумѣніи, выводимомъ Лербергомъ на основаніи данныхъ новыхъ путешествій. Названіе же этаго порога «вольный» и доселѣ удерживается за нимъ (см. Lehrberg, Unterss., S. 320). Чему же должны мы слѣдовать въ критикѣ названія? Не колеблясь, послѣдуемъ за Константиномъ, который передалъ имя въ такомъ видѣ, который болѣе приближаетъ его къ теперешнему народному названію «вольный», удержавшемуся по силѣ преданія отъ глубокой древности даже и донынѣ. Для разрѣшенія топографическаго недоразумѣнія призываемъ къ помощи кого нибудь, кто найдетъ въ себѣ силы проникнуть въ нашу нептуническую тайну съ большею полноправностью, нежели Лербергъ и другіе археологи. Мнѣ кажется, что изслѣдователямъ особенно сильнымъ побужденіемъ къ поправкамъ и къ объясненію извѣстнымъ образомъ Славянскихъ названій было удобство объяснить первый составной членъ Русскаго названія «βαρουφορος» изъ «bar, bara, islaendisch die Welle» (Lehrberg, Unterss., S. 368). Предлагаемъ объясненіе Русскаго названія, совершенно согласное съ Константиновыми данными. Слогъ «varu (βαρου)» мы родимъ съ Древне-Сѣверным реченіемъ «orr», въ которомъ скрытъ образовательный слогъ va, ясно выступающій въ формѣ сравнительной степени

[1] Сходство λ и δ, на которомъ отчасти основалъ Лербергъ свою поправку, весьма призрачно. Онъ отождествляетъ ихъ, какъ Δ-Λ. Но развѣ такъ пишутся этѣ буквы въ Греческихъ рукописяхъ X — XIII вв?

örvari. Но, хотя и скрытый, этотъ образовательный слогъ можетъ быть открытъ и въ формѣ örr, если бы даже и не существовала форма örvari, ибо гласная коренная является въ возмущенномъ, перегласованномъ видѣ изъ *a* (Dieffenbach, Vergl. Wbuch der goth. spr. I, SS. 22, 70; Grimm, D. Gr. I, S. 300), Присутствіе *u* (Англ. *w* предъ гласною) въ произношеніи örr обличается и Шведскою формою этого реченія «yr» (Grimm, Ibid., S. 547). Путемъ этѣхъ посредствъ я думаю указать на произношеніе varu, начертанное Константиномъ βαρου (β=v). Я совершенно недоумѣваю относительно основаній, побудившихъ Лерберга (Untersuchungen, S. 368) видѣть въ *u* формы baru окончаніе родительнаго падежа множ. числа. Такого окончанія, на сколько теперь извѣстно, ни одно склоненіе ни въ одномъ изъ Нѣмецкихъ нарѣчій не имѣетъ. Въ Древне-Сѣверномъ неизмѣнно является въ род. над. множ. числа окончаніе *a*, въ другихъ древнихъ нарѣчіяхъ смѣняются *e* и *o*. Я смотрю на это *u*, какъ на слѣдъ основнаго слога va, ибо стяженіе слога va въ *u*, *o* въ Древне-Сѣверномъ вещь самая обыкновенная, также какъ и аферезa *v* предъ гласною. Согласно съ этимъ разборомъ, мы толкуемъ« βαρουφορος»— «скорый» быстрый порогъ, не представляющій замедленія. Замѣтимъ, что это значеніе исключительно свойственно Древне-Сѣверному нарѣчію (Biorn, s. h. v. Dieffenbach, l. l.). О уподобленіи rs въ fors Греческому окончанію 2-го склоненія, мы имѣли случай упомянуть выше.

Τὸν ἕκτον φραγμὸν τὸν λεγόμενον μὲν Ρωσιστὶ Λεάντι, Σκλαβινιστὶ δὲ βερούτζη, ὅ ἐστι βράσμα νεροῦ.

Славянская форма ясна, особенно если сличить Константинову ея передачу съ Церковно-Славянскою формою «вржшть» (Востокова Словарь, стр. 49 ἀναβλύζων) и припомнить древнее свойство полногласія въ Древне-Русскомъ нарѣчіи. Тогда мы вполнѣ поймемъ, легко предупреждающую произношеніе гласной ρ, краткую гласную ε (leise vortoenende Vocal), на подобіе формы мерети на ряду съ Ц-Слав. мрѣти, верети наряду съ Ц.-Сл. врѣти и пр. Такое производство притомъ оправдывается совершенно Константиновою глоссой (βράσμα νεροῦ). Относительно, какъ Славянскаго, такъ и Русскаго названія этого порога, Лербергъ далъ снова преимущество своимъ догадкамъ, по побужденіямъ иперкритицизма (прошу извинить выраженіе!), часто отклонявшимъ

его во всемъ остальномъ тонкій и развитой филологической тактъ отъ истиннаго пути (Unterss., S. 369 — 373). Умалчивая о Лербергомъ «вареніи каши», Шафарикъ выражаетъ ясно свой взгладъ сличеніемъ съ Срб. врула, Ческ. wřjdlo. Съ Лербергомъ объясненіемъ Русскаго имени отъ корня land, очень неяснымъ съ точки зрѣнія грамматической и вообще весьма мало обоснованнымъ, равно какъ и съ производствомъ Струве отъ корня lain (кипѣть), Шафарикъ не соглашается, хотя своего воззрѣнія и не предлагаетъ. Предлогаю мою попытку этимологическаго объясненія Русскаго названія этого порога. Мнѣ кажется возможнымъ производство отъ корня hlae, представляющагося здѣсь съ весьма обычною аферезой придыханія гортаннаго (*h*) передъ плавными (Grimm, D. Gr., SS. 323 — 324, 327 — 328) въ формѣ lae, а въ причастной своей формѣ læandi, læjandi (Grimm, Gesch. der D. Spr., I, S. 89), Господствующее значеніе корня hlae (Гот. hlahan, γελᾶν etc.; Dieffenbach, l.-l., 2, S. 556 — 557; Löbe u. Gabelentz, Ulfila, II, 1, S. 63) есть «смѣяться.» Но именно въ Древне-Сѣверномъ нарѣчіи онъ имѣетъ поэтическіе оттѣнки значенія, которыя могутъ служить характеристикой τῆς βράσμης νεροῦ. Это значеніе, по опредѣленію Біорна (I, p. 370), есть nitere, наблюдаемое въ слѣдующемъ любопытномъ примѣрѣ «öxin hloer», толкуемомъ лексикографомъ Исландскимъ такимъ образомъ: Oksen glindser, or dens eg er slov (securi acies albes, c: .obtusa est). По предлагаемому толкованію, Русское названіе будетъ означать «мерцающій, сверкающій водоворотъ». Этотъ поэтическій эпитетъ особенно приличенъ Сѣверному языку, въ лексикѣ котораго ясно видна раскрытая сила поэтическаго творчества.

...καὶ ἀπὸ τούτου ἀποπλέουσι καὶ πρὸς τὸν ἕβδομον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσιστὶ μὲν Στρούβουν, Σκλαβινιστὶ δὲ Ναπρεζή, ὃ ἑρμηνεύεται μικρὸς φραγμός, κ. τ. λ.

Оставляя въ полной силѣ толкованіе Шафарика касательно названія Славянскаго седьмаго порога, предлагаемъ наше производство Русскаго его имени. Производство Лерберга названія Στρούβουν отъ Strondbun (Uferzaun) (Unterss., S. 377), Шафарикомъ (S. S., str. 560) просто — безъ одобренія и безъ опроверженія — приводимое, наводитъ на сомнѣніе. Выпаденіе средней зубной передъ таковою же губною не имѣетъ рѣшительно никакаго осно-

ванія. Въ произношеніи Варяга первая не могла выпасть, ибо это соединеніе не противно Древне-Сѣверному произношенію, что видно изъ нѣкоторыхъ сложныхъ словъ, какъ, напр., vad-berg (n. praecipitium aucupum. Biorn, 2, p. 402.), vad-beygia (f. alveolus in scalmo, per quem funis piscatorum reciprocatur. Biorn, Ibidem); Славянскому же — тѣмъ менѣе: припомнимъ лишь именныя образованія съ приставкой *ба*. Это Лербергово производство я объясняю не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ возможной близости значенія именъ Русскихъ съ Славянскимъ. Но это стремленіе совершенно ложно. Весьма естественно, что и Русь и Славяне называли пороги по однимъ признакамъ; но образъ выраженія послѣднихъ, конечно, у тѣхъ и другихъ принималъ оттѣнки и различія весьма яркія. Никто не можетъ указать на названія одного и того же предмета въ различныхъ языкахъ, которыя бы вполнѣ другъ другу соотвѣтствовали. Менѣе всего можно искать такого соотвѣтствія въ двухъ языкахъ, судьбы которыхъ столь различны. И такъ, трудное толкованіе Лерберга объясняется по преимуществу его желаніемъ сблизить значеніе Русскаго названія седьмаго порога (Στρούβουν) съ Славянскимъ (Ναπρεζή), ибо послѣднее онъ толкуетъ «на брезѣ» Славянское имя лучше объясняется Шафарикомъ, — «напражніе» — «напрѣжые.» Извѣстно, что за теперешнимъ личнымъ порогомъ, въ которомъ ученые согласились видѣть седьмой Константиновъ порогъ, слѣдуетъ островъ Кухарскій. Не выходя изъ круга данныхъ, которыми мы обязаны Константину, мы объяснимъ этимъ обстоятельствомъ Русское названіе седьмаго Константинова порога. Константинъ сообщаетъ (Ed. Bonn., p. 77—78), что плавающіе останавливались на островѣ Св. Григорія: найдя на немъ большое дерево (παμμεγέθη δρῦν), они приносили жертвы, гадали. Весьма естественны были эти станціи послѣ труднѣйшихъ переѣздовъ. Сосѣдство острова Кухарскаго (Lehrberg, Unterss, S. 375) могло подать плавающимъ поводъ къ отдыху. Весьма согласно съ этимъ важнымъ обстоятельствомъ Русское названіе седьмаго порога, если его разобрать слѣдующимъ образомъ: Στρου—слогъ — корень stur, stiur, stior, styr (regere, gubernare—Dieffenbach, V. W. der Goth. spr, II, SS. 334—335; Biorn, II, p. 347); buinn — βουν. Послѣдній составной членъ имѣетъ, между прочими значеніями, выраженное слѣдующимъ образомъ Исландскимъ лексикографомъ: «paratus, maturus» и «som

er færdig med, har tilendebragt en Syssel.» На основаніи этого разложенія, Русское имя получаетъ значеніе слѣдующее: «navis directio» sive simpliciter «navigatio absoluta, confecta.» [1]

2. РАЗБОРЪ ИМЕНЪ, НЕСТОРОМЪ ПРИВОДИМЫХЪ И ТАМЪ И СЯМЪ ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ.

Рюрикъ — Hrurikr (съ обычнымъ опущеніемъ гортаннаго прид. предъ плавною r): — на рунич. надписяхъ у Дитриха «Runen—Wörterbuch», S. 164.

Труворъ — Thorvar (съ перестановкой гласной при плавной). Встрѣчается, какъ имя женщины, на руническихъ надписяхъ — Dietrich S. 69. Такое же образованіе возможно и для мужескаго рода.

Синеоусъ — Sikniutr (Dietrich. ›. 285). Знакъ именит. пад. *r* въ старину могъ звучать органически — *s*, особенно при *t*. Сложено, какъ Шихъберинъ въ договорѣ Игоря — Sihbiarn (Dietrich, S. 286), какъ Шимонъ (въ Печерскомъ сказаніи) — Sikmunr (Dietrich, S. 286).

Свеналдъ (въ Лавр. спискѣ), Σφάγγελλος (у Кедрина и Льва Діакона), سونج (у Арабовъ. Charmoy, p. 395) — Suainaltr въ рунич. надпис. у Дитриха, S. 289. *T* вм. *d* по недостатку въ руническомъ алфавитѣ знака для средней зубной; *r* — знакъ именительнаго падежа. Слѣдовательно, основная форма — «Suainald».

Игорь—Ἴγγωρ (у Льва Діакона и Конст. Багрянор., Ed. Bonn., p. 74). Inger (Liutprand)—Ikker, Ikar, Inkkair (Дитрихъ, S. 207).

---

[1] Изъ изслѣдованій именъ пороговъ, явившихся послѣ изслѣдованій Лерберга (1823 г.) и Шафарика (1836), считаю нелишнимъ назвать изслѣдованія гг. Цейса (Die Deutschen und die Nachbarstaemme; 1837, SS. 556—559) и Погодина (1846). Г. Zeuss принимаетъ всѣ поправки и догадки Леберга. Впрочемъ, дважды онъ придлагаетъ свои объясненія, но, по нашему мнѣнію, весьма несчастливо. Онъ предлагаетъ въ *Ἀειπαρ* видѣть Древне-Сѣверное названіе птицъ, но такое названіе, котораго онъ, по собственному признанію, не можетъ указать ни въ Древне-Сѣверномъ, ни въ какомъ другомъ нарѣчіи Нѣмецкомъ. Безсиліе этого предположенія ясно само по себѣ. Въ другой разъ, вмѣсто Strondbun Лерберга онъ предлагаетъ Straumr vann. Не говоря о первомъ членѣ, какъ породнить *a* съ *u* въ живомъ произношеніи? Г. Погодинъ (Изслѣдованія, замѣч. и лекціи, 2, стр. 71 — 87) ничего не сказалъ отъ себя.

... ἄνδρα τινὰ παρὰ Σκύθαις ἐπισημότατον, Ἴκμορα (G. Cedrenus, Ed. Bonn., II, p. 405); Ibid., p. 406... τοῦ Ἴκμορος (Ικμορος. c): Inkimar, Inkemar, Ikimar, Ikmar, Inkmar (Dietrich, pp. 211—212).

Олегъ — Ольга (Ελγα. Конст. Багр. de caerr. et apud alios) — Heilhi, Hialhi—m.; Helha—f. (Dietrich, S. 174.)

Африканъ (Печерское сказаніе): Frükünr pro Früküthr (Dietrich, S. 7).

«Якунъ ту отбѣже луды златыя». Толкуемъ въ совершенномъ согласіи съ мнѣніемъ, высказаннымъ академикомъ Шёгреномъ въ прекрасномъ его сочиненіи: «Was bedeutet in den Russischen Chroniken unter dem jahr 1024 vorkommende wort «луда?» Mém. de l'Acad de S. P., 1834 г. 563—592 (1823 г.)

3. РАЗБОРЪ ИМЕНЪ СОБСТВЕННЫХЪ ПОСЛОВЪ ОЛЕГА И ИГОРЯ ВЪ ИХЪ ДОГОВОРАХЪ, СОХРАНЕННЫХЪ НЕСТОРОМЪ.

Прежде нежели приступимъ къ толкованію собственныхъ именъ, нѣсколько словъ о способѣ ихъ толкованія. [1] Старина этихъ именъ не многихъ изслѣдователей затрудняла. Убѣдившись путемъ историческихъ доказательствъ въ томъ или въ другомъ происхожденіе Руси, они часто искали, гдѣ было удобнѣе, гдѣ казалось легче, въ собственныхъ именахъ слѣдовъ того или другаго языка — и къ своему удовольствію находили ихъ. Чѣмъ ближе сопоставляемыя слова созвучили, тѣмъ болѣе рукоплескали они своему успѣху. Убѣждало одно непосредственное сопоставленіе. И часто оно убѣждало людей, умѣвшихъ оцѣнивать историческія свѣдѣтельства древности! Но таково ли должно быть отношеніе изслѣдователя къ древности въ области язычной? Имена, завѣщанныя намъ сѣдою древностью, но дошедшія до насъ черезъ поколѣнія писцевъ, сопоставляются, на примѣръ, съ Скандинавскою лексикою въ томъ ея видѣ, въ какомъ матеріялъ ея обработанъ лексикографами по началамъ правописи Раска, Гримма и другихъ ученыхъ! И этими подручными, не далекими средствами думаетъ

---

[1] Требованія отъ изслѣдователя подобнаго рода предметовъ старины мы высказали въ «разборѣ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненій г. Костомарова», въ статьѣ «Начало Руси» (Лѣтописи Русской литературы и древностей. Кн. VI).

открыть истину и г. Миклошичъ, явившій новый образецъ подобной неметодичности въ своемъ изданіи Нестора (Vindobonae, 1860, pp. 188—198), гдѣ ученый издатель на десяти указанныхъ страницахъ смѣло рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи именъ числомъ съ 127 при пособіи «Namenbuch» г. Фёрстемана и Куника. Особенно сомнительны таинственныя ссылки г. Миклошича на стр. 178, 2-го тома извѣстнаго сочиненія г. Куника, гдѣ любознательный читатель ничего не находитъ, кромѣ, исправленнаго, по разумѣнію автора, текста именъ Русскимъ гражданскимъ шрифтомъ и Латинскимъ.

Прислушаемся сначала къ одной сторонѣ: къ Древне-Русскимъ писцамъ. Писецъ рукописи Палѣи 1477-го г. (Синод. библ. № 210), дьякъ Несторъ, послѣ описанія раздѣленія народовъ, потомковъ трехъ сыновей Ноя, при чемъ имена народовъ и странъ были имъ (конечно, при помощи его предшественниковъ) обезображены до непроницаемости безъ пособія Греческаго подлинника Георгія Амартола, или болѣе исправнаго Русскаго списка, присовокупляетъ на листѣ 69: «сказаша жъ книгы всѣхъ языкъ племенъ сихъ, яже разсѣя господь по лицю всея земли Сима, Хама и Афета. Иніи же языци неразоумно языци прозвашася не по нашему языку: невѣдомыми языкъ менитъ я. Мы же глаголемъ порѣчія языка своего, иже отъ Афета языци изыдоша и в части его сѣдять: а̃ варяжескъ» и пр. Мы должны имѣть въ виду эти искреннія слова: если имена, встрѣчавшіяся такъ часто нашимъ древнимъ начетчикамъ въ хронографахъ, были искажаемы, то тѣмъ болѣе мы должны, не заподозрѣвая заранѣе, искать критическихъ основаній въ оцѣнкѣ Несторовыхъ собственныхъ именъ, изъ которыхъ весьма многія составляютъ, такъ сказать, ἅπαξ λεγόμενον во всей нашей письменности.

Критическія основанія филологическаго испытанія собственныхъ именъ пословъ, занесенныхъ въ Несторовъ текстъ договоровъ, нужно признаться, шатки. Шаткость эта условливается семейнымъ отношеніемъ рукописей Временника. Разночтенія именъ, представляемыя Софійскимъ Временникомъ, нѣкоторыми рукописными хронографами, во первыхъ, не многочисленны. Но эти скудныя пособія заключеніямъ филолога, большею частію не заставляютъ слишкомъ далеко итти для объясненія ихъ происхожденія. По нимъ ни какимъ образомъ нельзя установить твердаго

мѣрила для распредѣленія рукописей по семьямъ, въ обезпеченіе истины отъ произвола субъективнаго толкованія и догадокъ. Обращаясь къ Софійскому Временнику, мы, не принимая даже въ разсчетъ нѣкоторыхъ извѣстій, подвергшихся совершенно иной, относительно Нестора, литературной переработкѣ (каковы: повѣсти о убіеніи Бориса и Глѣба, не смотря на одинаковость начала и конца), не принимая въ расчетъ ни замѣны нѣкоторыхъ Несторовыхъ извѣстій другими, изъ другихъ источниковъ, ни значительныхъ пропусковъ, [1] наблюдаемъ въ составѣ ея направленіе объяснительное, глоссаторское, какъ въ литературномъ, такъ и въ язычномъ, отношеніи: первое ясно изъ указанія на источники въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этого не считалъ нужнымъ Несторъ; такъ, на пр., въ извѣстіи подъ 6373 г. слова «якоже пишется въ лѣтописаніи гречьстѣмъ» (П. С. Р. Л., т. V, стр. 88), чего не находимъ у Нестора (изд. Тимковскаго, стр. 13); второе видно изъ постоянной замѣны древнихъ словъ новыми, болѣе понятными: вездѣ «останокъ» вм. «прокъ», «напредимъ» вм. «варимъ» и мн. др. Этимъ объяснительнымъ началомъ, вѣроятно, можно скорѣе всего объяснить нѣкоторыя разночтенія въ именахъ договора Соф. Временника. Такъ, на пр., видно, можетъ быть, и не преднамѣренное, невольное влеченіе ославянивать звуки именъ въ разночтеніи, «Вельмудръ» (V, p. 94) къ имени «Вермудъ» (въ договорѣ Олега), «Груды» вм. «Гуды» въ договорѣ Игоря, знакомое «Ятвягъ» вмѣсто «Явтягъ» Лаврентьевскаго списка. Также легко объясняются разночтенія, представляющія лишь перестановку слоговъ, какъ, на пр., «Турдибъ» вм. «Туръ-бидъ» Лавр. списка. Очевидное παρόραμα именно извѣстнаго списка Софійскаго Временника видно въ притяжательномъ «Тулдовъ» вм. «Туадовъ» (Лавр. сп.), по сходству древняго начертанія *а* съ *л*; эту смѣну начертаній находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ въ имени «Свентелдъ»—и «Свентеадъ» (V, стр. 97). Всѣ разночтенія, доселѣ въ Соф. Временникѣ усмотрѣнныя, не говорятъ ни о чемъ другомъ, кромѣ измѣненій позднѣйшей руки, и не даютъ своей рукописи никакого права на критическій авторитетъ, который могъ

---

[1] Происхожденіе ихъ не давне, судя по разночтеніямъ списковъ: такъ рукопись XVI в., принадлежавшая Царскому, удерживаетъ многія извѣстія, пропущенныя въ другихъ.

бы ободрить испытателя именъ къ исправленію именъ Лавр. списка. Единственное разночтеніе, которое мы встрѣчаемъ въ Соф. Временникѣ, для котораго могутъ оказаться неудовлетворительными предшествующія объясненія, есть «Вруды», разночтеніе къ «Брупы» Лавр. списка. Но не можемъ и здѣсь удержаться отъ выраженія чувства недовѣрія къ критическому достоинству и этого разночтенія, при существованіи разночтеній, выше указанныхъ. Рукописные хронографы, содержащіе въ себѣ Несторовъ Временникъ, на столько же ничтожны въ этомъ отношеніи, не исключая и доступныхъ мнѣ списковъ (Синодальнаго и принадлежащаго проф. Ѳ. И. Буслаеву) хронографа Румянцевской семьи. Такимъ образомъ мы не находимъ ничего внѣ Лаврентьевскаго списка, не находимъ ничего, что бы, хотя и въ позднѣйшемъ спискѣ, указывало на подлинникъ, независимый отъ тоій семьи рукописей, которая ведетъ свое начало отъ Лавр. списка, доселѣ старѣйшаго. Не имѣя, слѣдовательно, чистаго источника исправленія, изслѣдователь тѣмъ осторожнѣе долженъ испытывать имена Лавр. списка.

Относительно другаго члена сравненія, мы совершенно чуждаемся того способа изслѣдованія, который считаетъ позволеннымъ сличеніе именъ не только съ новыми произведеніями ономатика, но привлекаетъ къ сравненію, не стѣсняясь историческими и словообразовательными препятствіями, и всю лексику языка. Древній Несторовъ ономатиконъ можетъ быть сличаемъ съ Скандинавскимъ, лишь въ томъ его видѣ, въ какомъ дошелъ онъ до насъ въ руническихъ надписяхъ, вполнѣ вознаграждающихъ свою лексическую скудость обиліемъ своего ономатика. Глубокою древностью отличаются только нѣкоторыя изъ надписей. Но въ правописномъ отношеніи онѣ всѣ одинаково важны. Самое изображеніе звуковъ этимъ самороднымъ, простымъ алфавитомъ, и до относительно уже позднаго времени ничѣмъ не осложненнымъ, содержитъ звуки языка въ прастаромъ ихъ видѣ. Колебанія, разночтенія, представляющіяся филологу въ вожделѣнномъ обиліи, въ данномъ случаѣ, гораздо дороже той неумолимой правильности, которую встрѣчаемъ въ лексиконѣ Біорна, правопись котораго была исправлена Раскомъ, или въ трудахъ Гримма, установившаго правопись Древне-Сѣвернаго словаря, на основаніи сравненій съ другими нарѣчіями Нѣмецкими. Этимологія такого древняго ономатика, въ массѣ сво-

ихъ явленій ясная, всегда во время предостережетъ отъ встрѣчаемыхъ въ руническомъ письмѣ лигатуръ тождественныхъ знаковъ и слоговъ, этихъ свѣдѣтелей глубокой древности рунической письма. Самый составъ руническаго алфавита, по своей прастарой простотѣ, представляетъ нерѣдкія, впрочемъ, уклоненія отъ правильнаго употребленія гласныхъ, даже и относительно основныхъ гласныхъ звуковъ—*u*, *a*, *i* и звука, помежнаго между гласными и плавными, изображаемаго руною r (деванагарская гласная r), нашедшихъ себѣ мѣсто въ исконномъ руническомъ письмѣ. Эта особенность справедливо объясняется В. Гриммомъ (Deutsche Runen) древнимъ побужденіемъ рѣзателей рунъ болѣе намекать ими на составъ слова и на его произношеніе, нежели выражать вполнѣ составныя части, которыя не представлялись имъ съ раздѣльною ясностью. Согласныя также имѣютъ недостатки: въ одномъ порядкѣ недостаетъ тонкой (губ. *p*.), въ другихъ-средней (зубн. *d* и горт. *g*). Но въ этой твердой, неподвижной составной части языка наблюдается возможная для руническаго алфавита опредѣленность, и выпускаются согласныя лишь по настоятельному требованію благозвучія. Послѣднее обстоятельство весьма важно для изслѣдователя. Матерьялъ руническаго письма въ обиліи представляетъ г. Дитрихъ въ своемъ »Runen-Woerterbuch», изданномъ въ 1844 г. въ Стокгольмѣ. Коегдѣ лишь въ дополненіе этого чистѣйшаго источника Скандинавскаго ономатика, мы будемъ прибѣгать къ сагамъ.

Primoribus labris gustantes, мы увѣряемся въ достовѣрности и исконной принадлежности этихъ именъ извѣстному языку по одному тому, что въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сложены изъ двухъ словъ, замѣчаемъ нѣкоторые общіе члены сложенія, въ тѣхъ же изъ нихъ, въ составъ которыхъ вошелъ одинъ корень, замѣчаемъ общія окончанія. Такъ, примѣры перваго, и именно по сходству втораго члена сложенія: Лидулфостъ, Вуефастъ и къ нимъ простое имя Фастъ изъ притяжательнаго Фастовъ; Шихъберинъ, Туръберинъ и къ нимъ простое — Беринъ, заключаемое изъ притяжательнаго Берновъ; Прасьтѣнъ (и Прастѣнъ — дважды), Фуръстѣнъ. По первому члену сложенія: Турдуви, Туръберинъ, Туръбидъ, куда отнесемъ и Фуръстѣнъ на основаніяхъ, ниже изложенныхъ; Игивладъ, Инъгелъдъ (въ томъ и другомъ договорѣ по разу); Рулавъ, Руалдъ (Роалдъ),

Руаръ; Шихъберинъ, Шибридъ. Примѣры общности грамматическихъ окончаній въ именахъ простаго образованія: Карлы, Гуды, Слуды, Кары, Бруны, Моны. Эта черта внушаетъ съ перваго раза довѣріе къ такому филологическому памятнику, каковъ ономатикъ договоровъ: найдена уже грамматическая опора. Высоко цѣня ее, утвердимъ ее отдѣльными случаями.

Гуды. Laxdaela-saga. p. 100: «son Bárdar var Thorarinn, en dóttir hans Gudny» etc. Skâldskaparmâl y Pfeiffer, Altnord. Lesebuch, S. 52. «Sigurdhr reidh thadhan ok kom til thess konungs er Gjûki het; kona hans er nefud Grimkildr, börn theirra vâru thau Gunnarr, Hödni, Gudhrun, Gudhny.» Издатель послѣдняго памятника въ глоссаріѣ (S. 247) раздѣляетъ имя такъ: Gudh-ny, обозначая его именемъ женскаго рода, что ясно изъ выше приведеннаго мѣста Laxdaela-saga. Раздѣленіе, предлагаемое г. Пфейффером, также справедливо, ибо слово gudh, какъ нарицательное, означающее бога, встрѣчается въ Gylfagining, какъ собственное имя одной изъ Валкирій въ слѣдующемъ опредѣленіи ихъ дѣятельности и значенія: «Gudhr oc Roto ok norn hin yngsta er Skuld heitir ridha jafnan at kjôsa ok râda vigum». Слѣдовательно, мы имѣемъ корень gudh корнемъ этого имени. «*Y* и *ŷ* въ позднее время произносилось какъ *i* и *î*, и потому мы находимъ такъ часто въ рукописяхъ и изданіяхъ смѣшеніе обоихъ знаковъ» (Pfeiffer, S. 138; cf. Grimm, D. Gr., 1, S. 284). Въ Англ.-Сакс. нарѣчіи уже въ древнѣйшихъ источникахъ *y* смѣняется съ *i*, откуда проистекаютъ двоякія ошибки: 1) порча начертанія и выговора исконнаго *i*, и 2) смѣшеніе *y* съ *i* (Grimm, D. Gr., 1, S. 228). Дѣйствительно, *y* въ концѣ этого имени едва ли бы себѣ нашло оправданіе, какъ явленіе перегласовки *u*, если принять этотъ слогъ за образовательный (т. е., слогъ *ny* въ имени Gudhnŷ). Если наши соображенія вѣрны сами себѣ и матеріялу ихъ, то образовательная часть нашего имени должна быть сведена къ согласной плавной *n*, къ суффиксу женскаго рода *ni* (*î* = *ŷ* more Islandorum). Этотъ именной суффиксъ встрѣчается въ обиліи въ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, не исключая и Древне-Сѣверное (Grimm, D. Gr., 2, SS 161—163), а Древне-Сѣверное нарѣчіе имѣетъ ту особенность передъ другими соплеменниками своими, что часто неорганически вводитъ въ этотъ словообразовательный классъ именъ имена съ образовательнымъ окончаніемъ *i* (Grimm, D. Gr., 2, S. 163). На

основаніи предположенныхъ соображеній я сличаю «Гуды» Олегова договора съ Сканд. именемъ Gudhî.

Такъ стараюсь я испытать это имя помощью средствъ внутренней экономіи Древне-Сѣвернаго языка. Скопленіе посредствъ, иногда дѣйствительно далекихъ, должно быть оправдано природой дѣла. Избѣгая ихъ, легко сопоставить созвучныя имена. Я слѣдую неизбѣжному правилу всякаго филологическаго испытанія, относится ли оно къ этимологіи, или къ критикѣ текстовъ: нужно извѣдать ближайшія средства объяснить предлагаемое внутреннею экономіею слова—по различнымъ правописаніямъ, или—мѣсто—по разночтеніямъ. — Предложу еще опытъ предположительнаго объясненія. Имя Gudhnŷ легко можно принять за составное имя изъ gudh, которое мы уже приводили, какъ собственное имя Валкиріи и Ny, встрѣчаемое въ Völuspa въ числѣ именъ dverga мужескаго пола и съ тѣмъ именно окончаніемъ, съ которымъ встрѣчаемъ имя Gudh у Нестора — съ окончаніемъ *i* — Nyi (Völuspa у Pfeiffer, 85, и мѣста изъ нея въ Gylfagining. Ibid., 8. 33). Встрѣтивши второй членъ составнаго имени съ окончаніемъ *i*, не трудно предположить существованіе и перваго его члена съ тѣмъ же окончаніемъ, хотя мы доселѣ и не нашли его въ сагахъ.

Рунические надписи даютъ намъ ближайшее разъясненіе, хотя въ нихъ мы и не встрѣчаемъ собственнаго имени этого корня въ простомъ его образованіи. Сложныхъ именъ, первый членъ которыхъ состоитъ изъ этого корня, встрѣчаемъ числомъ до 18 и между ними одно, удержавшее образованіе Гуды — сложное имя Kuthiliufr (*k* вм. *g*, котораго нѣтъ въ руническомъ алфавитѣ — Dietrich, p. 112), составъ котораго весьма ясенъ и переводится Дитрихомъ (l. l., SS. 363—364) — «Gott vertrauend.» — Kuthi-Guthi-Gudhi (по недостатку знака средней придыхательной зубной въ рунич. алф.), извлекаемое изъ этого сложнаго имени, не подлежитъ никакому сомнѣнію, которое бы, можетъ быть, захотѣли навлечь на него, опираясь на скитаніе рунъ гласныхъ, ибо косвеннаго падежа, въ которомъ его гласное окончаніе подверглось бы блужданіямъ, довольно обычнымъ въ рунахъ, въ первомъ составномъ членѣ сложнаго имени предполагать никакого права не имѣемъ. [1]

---

[1] И при томъ замѣтимъ то чрезвычайной важности явленіе, что гласныя блуждаютъ лишь въ корняхъ собственныхъ именъ въ руническихъ надписяхъ,

Карлы. Laxdaela—saga, p. 152: Kári hét son Hruts; Kári sofnadi naerr ecki; Kári spratt upp ok sá út. — Достаточно. — Признаемся, не понимаемъ, что хочетъ сказать г. Куникъ своимъ Kar, и не видимъ даже откуда онъ его взялъ, хотя бы сами могли указать, если бы, конечно, предвидѣлась въ томъ нужда (Ueber die Berufung, II, SS. 178, 194). Не менѣе въ ходу это имя и въ руническихъ надписяхъ въ формѣ Kari (Dietrich, SS. 144 — 145).

Бруны: Bruni (Dietrich, l. l., p. 346), встрѣчающееся на пяти надписяхъ въ винительномъ падежѣ въ формѣ Bruna. Въ подтвержденіе сложенія Kuthiliufr приведемъ сложное Brunulfr во всѣхъ встрѣчающихся разночтеніяхъ: Brunulfr, Bruniulf (acc.). Bruniulfr дважды (Dietrich, ibidem). По этимологіи, корень тождественъ съ нашимъ «броня».

Слуды: Sluthi («der Nachlaessige.» Dietrich, l. l., SS. 311 — 312): Slothi. lit. kiarva. sant. i ar. thit. sum. sak. at var. auk sum. hvat. var. that. [1]

Карлы. Собственное имя Karl весьма часто попадается на руническихъ надписяхъ; въ разночтеніи—Karli (Dietrich, l. l., S. 145).

Моны. Г. Куникъ на неизвѣстныхъ основаніяхъ исправляетъ это имя и пишетъ Монъ. Г. Миклошичъ, кажется, принимаетъ это исправленіе (Nestor, I, p. 193), прибавляя — «máni (luna) ne conferas». Но именно съ этимъ словомъ болѣе всего можно сличать наше имя, ибо на руническихъ надписяхъ оно встрѣчается въ значеніи собственнаго имени (Dietrich, l. l., SS. 382 — 383). Переходъ *a* въ *o* на страницахъ Древне-Русской Лѣтописи менѣе всего можетъ служить препятствіемъ къ сближенію.

Доселѣ полное согласіе именъ договоровъ съ именами сагъ и руническихъ надписей, какъ относительно кореннаго состава ихъ, такъ и относительно грамматическихъ окончаній. Судя по точно-

---

окончанія же вездѣ неумолимо правильны: окончаніе дат. над. ед. ч. *i*, винительнаго *a*; имен. над. имѣетъ образованіе посредствомъ гл. *i* Ни въ одномъ изъ названныхъ грамматическихъ случаевъ мы не замѣтили ни одного уклоненія въ надписяхъ, — явленіе, устраняющее и тѣнь сомнѣнія относительно Kuthi, извлекаемаго изъ сложнаго имени Kuthiliufr.

[1] Надпись эта весьма темна, за исключеніемъ первыхъ 3-хъ и послѣднихъ 5 словъ. Дитрихъ, на стр. 299, ее дурно толкуетъ. Судя по раздѣлительнымъ знакамъ, она не стара.

сти передачи коренныхъ гласныхъ, вполнѣ оправдываемыхъ этимологіей словъ, вошедшихъ въ составъ этихъ именъ, должно думать, что Греческій текстъ договоровъ [1] былъ переданъ на Древне-Русское нарѣчіе въ самую эпоху ихъ заключенія, ибо для такой точности нужно было имѣть переводчику ихъ самый живой слѣдъ ихъ произношенія. Въ противномъ случаѣ, необходимо долженъ бы былъ оказаться слѣдъ или Греческой транскрипціи, или (болѣе далекая возможность) неяснаго, неточнаго руническаго ихъ обозначенія. Слѣды живаго употребленія звуковъ Скандинавскихъ именъ замѣчаемъ ясно на имени, корень котораго имѣетъ въ своемъ составѣ элементъ, могущій быть особенно сильнымъ представителемъ Скандинавской согласности (консонантизма): мы разумѣемъ Древне-Сѣверный thurs (th). Расъ опредѣляетъ его звукъ Новогреческою θ и Англійскимъ сочетаніемъ зубнаго придыханія th. Это его мнѣніе безусловно принято Я. Гриммомъ (D. Gr., I, p. 316). Дѣйствительно, есть и для древнѣйшаго времени доказательства такого произношенія зубнаго придыханія въ самой глубинѣ Нѣмецкой древности: у Прокопія (552 г.) встрѣчаемъ θ передающее Нѣмецкую th, на пр., Θεοδορίχος и пр. Въ Страбоновой Θουσνέλδα Я. Гриммъ признаетъ Нѣмецкое имя женское Thursinhilda (Gesch. der D. Spr., B. I, S. 298, 1-е изд.). И наконецъ, если признать справедливыми историческія доказательства Гриммова мнѣнія объ этнографическомъ отношеніи Ѳракійскаго племени къ Скиѳскому, а чрезъ него и къ Нѣмецкому, увидимъ Греческую транскрипцію Нѣмецкаго Турса и въ имени Θυσσαγεται (=Thyrsagetae l. l., S. 225, S. 156, 1-го изд.) и тождество зубнаго звука въ народномъ имени Ѳракійцевъ съ таковымъ же въ Нѣмецкихъ древнихъ именахъ Thrasamunt, Thrasaberht, изъ которыхъ первое имя своимъ первымъ членомъ представляетъ большую близость къ Древне-Сѣверному thrôsa, нежели къ Гот. thras (Grimm. l. l., S. 136 и **. Не смотря на все уваженіе къ авторитетамъ, мы, не оставляя принятаго метода, оживимъ это положеніе руническими случаями. Руническій алфавитъ содержитъ въ себѣ знакъ для зубнаго придыханія и даетъ ему даже имя (thurs), а надписи, писанныя имъ, предста-

---

[1] См. убѣдительное изслѣдованіе г. П. Лавровскаго «О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками.» 1853.

вляютъ въ желанномъ обиліи примѣры его употребленія въ собственныхъ именахъ, особенно въ многочисленныхъ собственныхъ именахъ, имѣющихъ первымъ членомъ своего сложенія миѳологическое имя thur (=thór). Но замѣчательно, что, наряду съ этими многочисленными случаями употребленія Турса, встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ, представляющихъ зубную тонкую вмѣсто придыхательной въ тѣхъ самыхъ собственныхъ именахъ, въ которыхъ послѣдняя употребляется органически; такъ, изъ сложенныхъ съ thur — thurbiarn (Dietrich, l l., p. 66) встрѣчается съ тонкою torbiarn (Ibid., S. 320), Toarvi вм. Turvi, т. е., thurvi (Ibidem); Tusti замѣняется по другой надписи формой thusta въ винит. над.: Tubi по другимъ надписямъ thobr и пр. Непосредственность, безъискуственность, съ какою передавались звуки руническимъ алфавитомъ, ручается за то, что смѣшеніе тонкой зубной съ придыхательною не было плодомъ грамматическаго сознанія ихъ родства, а что эта помежность обоихъ звуковъ дѣйствительно, слышалась въ произношеніи. На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ отождествлять слоги Фуръ и Туръ въ собственныхъ именахъ Игорева договора: Фуръстѣнъ, Туръбидъ, Турърбернъ, Турдуви, Турдовъ. Вторые члены этихъ сложныхъ именъ весьма ясны: stain и biarn являются вторымъ членомъ сложенія въ именахъ, численность которыхъ должно считать десятками, bithr—также весьма часто. Спеціально въ сложеніи съ thur (thór) встрѣчается stain весьма часто на надписяхъ (Dietrich, l. l., S. 66). Во второмъ членѣ сложнаго имени Турдуви мы видимъ вторичное образованіе слова thius (служитель) съ отброшеннымъ знакомъ именит. падежа. *s*, который, равно какъ и, замѣняющій его, *r* въ большей части именъ договоровъ выпущенъ, образованіе родственное thivi, Англос. theova. Предположеніе наше подтверждается существованіемъ собственнаго имени женскаго рода Thortisa, Hulmtis, Hithintis, Hialmtis, Arntis (Dietrich, l. l., SS. 164, 167,172,237), которыхъ второй членъ основательно производится Дитрихомъ отъ одного корня съ thius, thivi, англос. thý, theova (l. l., SS. 70,328). Thortisa руническої надписи означаетъ «поклонница, служительница Тора»: Турдуви Игорева договора «поклонникъ служитель Тора.» [1] Первый членъ сложеніе—thor—на-

[1] О смѣнѣ *t* и *d* въ Слав. собств. именахъ см. Šaf. Slow. Starož., str. 552.

блюдается также и въ имени Фарлофъ, которое сличимъ съ Скан. Thorolfr, весьма часто встрѣчающимся въ сагахъ. Въ руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ два имени, съ которыми можно сравнить имя Фарлофъ: Thurulfr («Торовъ, Тору посвященный волкъ». Dietrich, l. l., S. 64) и Thuralfr («Тору посвященный геній» (Ibid. S. 66).

Тотъ же второй членъ, что и въ Турдуви, видимъ въ сложномъ Аминодовъ, хотя, признаемся, не беремъ на себя объяснить первый членъ сложенія. Г. Миклошичъ исправляетъ это собственное имя въ форму Амоунъдовъ, дѣлая изъ него притяжательное, относящееся къ предшествующему имени Истръ (Nestor, I, p. 25). Ради этого мнѣнія своего, г. Миклошичъ рѣшился не только исказить послѣдовательность отношенія притяжательныхъ именъ къ именамъ, ими опредѣляемымъ, но и вставилъ цѣлое имя «Войстъ», къ которому бы относилось притяжательное Войковъ, не оправдывая этого ничѣмъ въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ (Ibid., p. 204). Въ порядкѣ именъ есть, дѣйствительно, перерывъ: сначала въ строгой послѣдовательности идутъ имена притяжательныя за именами, ими опредѣляемыми «до Егриевлисковъ» (sic pro «Егри Евлисковъ». Micl.), а за тѣмъ, ordine inverso, имя притяжательное предшествуетъ имени, имъ опредѣленному, въ такомъ порядкѣ — «Войковъ Истръ» — а за тѣмъ имя безъ притяжательнаго Аминодовъ, чему примѣръ встрѣчаемъ и выше, ибо при имени Шихъберинъ не встрѣчаемъ притяжательнаго. Ordo inversus именъ повторяется также и ниже, при имени Сфирка, которое имѣетъ свое притяжательное Стеггистоповъ предшествующимъ, хотя и этѣ двѣ негладкости при именахъ — Сфирка и Шихъберинъ сглаживаетъ г. Миклошичъ. Но всѣ эти исправленія сами по себѣ не могли бы существовать. Ихъ существованіе условливается появленіемъ имени, котораго не усматриваемъ на харатіи Лаврентьевскаго списка, имени «Войстъ». искуственнымъ образомъ составленнаго изъ начальныхъ слоговъ двухъ послѣдующихъ именъ — Войковъ и Истръ, рядомъ стоящихъ. Этотъ критическій пріемъ, основанный на лигатурѣ тождественныхъ слоговъ, пользуется большимъ расположеніемъ критиковъ трудныхъ мѣстъ, но нужна осторожность въ его употребленіи. Осторожные критики употребляютъ его, строго и точно соображаясь съ контекстомъ. Г. Миклошичь избралъ его орудіемъ насилія, претворивши

этимъ пріемомъ порядокъ послѣдовательности именъ, хотя и неправильный, въ порядокъ съ, желанною для исправителя, правильностью. Но законно ли такое подчиненіе древности нашимъ причудамъ?

Возстановимъ нашу этимологическую ткань. Показавши возможность тождества слога Фуръ съ слогомъ Туръ, мы сопоставимъ это объясненіе съ объясненіемъ подобозвучащихъ имъ, хотя этимологіею своею и различающихся именъ. Говоримъ объ именахъ Фрастѣнъ и Прастѣнъ. Имъ находимъ соотвѣтствующее имя въ руническихъ надписяхъ въ имени Fraistain, правильная и господствующая форма котораго имѣетъ на надписяхъ слѣдующія разночтенія: Frustin 4 раза, Frusten 1 разъ, Frustain 3 раза, Fraüstin 1 разъ, Fraustain 2 раза (Dietrich, l. l., S. 10). Въ какомъ отношеніи къ послѣднему имени состоитъ имя Прастѣнъ, трижды встрѣчающееся въ договорѣ Игоря? Прямыхъ, дипломатическихъ доказательствъ ихъ тождества представить мы не можемъ; но представимъ соображенія, могущія дать ему извѣстную степень вѣроятія. Произношеніе придыхательной губной въ Древне-Сѣверномъ шатко. Нѣкоторыя группы согласныхъ съ f смѣняются безпредѣльно. На руническихъ надписяхъ, на примѣръ, мы постоянно встрѣчаемъ наряду съ aftar — abtar, ibtir, btir, а съ появленіемъ Датскихъ, пунктированныхъ, т. е., Вальдемаровыхъ рунъ, пополнившихъ недостатокъ губной тонкой, встрѣчаемъ и aptir, iptir (Dietrich, passim; W. Grimm, Deutsche Runen; J. Grimm, D. Gr., I, SS. 309 — 313). Но приблизимъ дѣло къ нашему случаю, представляющему группу *fr*. *F* произносится какъ твердая б. *r* только «auslauteud und vor unwesentlichem *r*» (D. Gr., I, S. 310), т. е., когда послѣднее въ именительномъ падежѣ именъ замѣняетъ собою его знакъ *s*. Передъ плавными же *l*, *n* — *f* произносится какъ твердое *b*, почти какъ *bb* (J. Grimm, l. c.).

Г. Миклошичъ произвольно поправляетъ притяжательное Туадовъ въ Троуадовъ. Мы оставляемъ исконное чтеніе Лаврентьевскаго списка. Сначала, — первый членъ сложенія — Тоу. Его основательно можемъ произвести отъ одной изъ двухъ формъ сущ. имени thiod, попадающихся на руническихъ надписяхъ. Самая обыкновенная есть thiuth въ именахъ—thiuthmunt, thiuthburh (Dietrich, l. c., S. 73). Другая форма встрѣчается отдѣльно въ

начертаніи thü (Ibidem, S. 62). Отъ этой формы производимъ первый членъ сложнаго имени Туадъ. Во второмъ членѣ сложенія мы видимъ руническое aiths, по древней рунической правописи, согласной съ Ульфиловой «aiths,» отличной отъ современной, принятой eidhr. Вотъ наши основанія. Скандинавская двоегласная *ei*, подобно перегласованной æ, произошла изъ двоегласной *ai*, которая въ своемъ развитіи приняла два различные пути. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уподобляясь Англо-Саксонской *á*, она, жертвуя вторымъ членомъ своего состава (*i*), оставляетъ лишь первый (*a*) въ его долготѣ (*á*). Отсюда ведутъ свое происхожденіе формы: *á* (habet) отъ eiga (Гот. aih, Аскс. âh), bâdhir (ambo), sâl (anima Аскс. sâvl, Гот. savil), sâr (vulnus — sâr Аноскс., Гот. sais). [1] Зная это свойство Древне-Сѣверной двоегласности, рѣшаемся на то предположеніе, что въ X-мъ вѣкѣ она была слышна въ произношеніи и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ правопись гг. Біорна, Раска, Гримма, Шеіффера и др. устанавливаетъ двоегласную *ei*, и тѣмъ болѣе, что на рунических надписяхъ встрѣчаемъ безъ исключеній форму aith, изъ которой родятся оба измѣненія и *á* и *ei*. Употребленіе ея въ сложныхъ собственныхъ именахъ, и именно вторымъ ихъ членомъ, совершенно обезпечивается слѣдующими руническими случаями: thoraithir («der dem Gotte Thor geweihte.» Dietrich, l. l., S. 69), Rothaithir («der dem Ruhme verpflichtete.» Ibid., S. 91). На изложенныхъ основаніяхъ я предлагаю производить собственное имя Туадъ, какъ сложное, отъ thü и aith, что значитъ «populo sacratus.» — Я думаю объяснить и притяжательное «Тудковъ», какъ ославяненное Туадъ, въ которомъ тяжелое для Славянскаго уха зіяніе стерлось. Это имя, какъ patronimicon, встрѣчается въ Ипатьевской лѣтописи въ формѣ Тудковичъ. (Полное Собраніе Руск. лѣтопис. т. II, стр. 13 подъ 1136 г. (6644): «яша бояръ много: Давыда Яруновича тысяцскаго, и Станислава Доброго Тудковича.» Что это имя не было исконнымъ Славянскимъ, видно изъ того, что рукописи Ипатьевской лѣтописи, именно Хлѣбниковская и Ермолаевская, представляютъ разночтеніе «Туковича», чего при имени Славянскаго происхожденія ожидать трудно.

---

[1] J. Grimm, D. Gr., I, S. 286.

Обращая вниманіе на грамматическія окончанія, не могу не остановиться на имени Явтягъ, окончаніе котораго несомнѣнно тождественно съ Нѣмецкимъ окончаніемъ въ именахъ Варягъ, Корлязи (средневѣковое Charalingi IX—X вв.). Но въ какомъ значеніи употребленъ здѣсь этотъ суффиксъ? Въ рунахъ, если не ошибаюсь, именъ собственныхъ личныхъ съ такимъ суффиксомъ не встрѣчается. Самое обычное его назначеніе, которое было бы близко къ нашему случаю, есть назначеніе отличать имена отечныя и родовыя, что, по обилію случаевъ, не требуетъ доказательствъ (Grimm, D. Gr., 2, S. 350). Но что же представляетъ собою начало имени «Явт»? Мы указывали въ началѣ нашего изслѣдованія объ именахъ договоровъ, что писецъ Софійскаго Временника измѣнилъ это имя въ болѣе привычное для его уха, народное имя Ятвягъ. Недалекіе отъ этой первобытной произвольности, изслѣдователи и прошлаго и нынѣшняго вѣка искажаютъ это имя въ Астягъ (Татищевъ, Миклошичъ), Аттягъ (Куникъ). Но повторимъ еще разъ: незаконно насиловать древнѣйшую, представительнѣйшую рукопись, какова Лаврентьевская, прежде нежели вникнемъ въ дѣло. Вникнуть въ дѣло древности, къ какой бы области жизни народной оно не относилось, трудно и требуетъ часто очень далекихъ посредствъ, слѣдовать и довѣрять которымъ способенъ лишь посвященный. Эти далекія посредства условлены самой природой дѣла и могутъ быть гораздо вѣрнѣйшимъ руководителемъ на пути къ достиженію истины, нежели порча единственнаго и драгоцѣннѣйшаго рукописнаго авторитета. Мы понимаемъ имя Явтягъ, какъ родовое отъ собственнаго — Haufthi, встрѣчающагося на руничеcкой надписи (Dietrich, l. c., S. 176), какъ имя собственное мущины, на основаніяхъ, которыя поспѣшимъ изложить. Сначала возмемъ двѣ первыя буквы *ha* и сопоставимъ ихъ съ Лаврентьевской рукописи. Гортанное придыханіе *h* въ Древне-Сѣверномъ нарѣчіи весьма часто опускается, не только при различныхъ благозвучныхъ условіяхъ въ концѣ, срединѣ словъ, но и въ началѣ ихъ, въ сложныхъ словахъ и предъ *l*, *n*, *r* (Grimm, D. Gr., I, S. 324). Но примѣровъ исчезновенія *h* передъ гласными новыя изданія не представляютъ, хотя руническія надписи говорятъ за него, что видно изъ разночтеній къ собственному имени Haursi въ вин над. Aursa (Dietrich l. l., S. 176), къ нарѣчію hartha — artha и пр.

Если предположить *h* выпущеннымъ, на основаніи приведенныхъ руническихъ случаевъ, то *j* при *a* объясняется Славянскою особенностью нелюбви къ гласному подъему словъ. Но есть другой, еще болѣе оправдываемый, путь объясненія. Н передъ гласными въ Древне-Сѣверномъ нарѣчіи обращается въ *j*. Я. Гриммъ извлекаетъ это свое положеніе изъ Древне-Сѣвер. члена — hinn, hin, hit вмѣсто древнѣйшаго inn, *in*, *it*, или ënn, *ën*, *it* (Гот. jáins, Двн. jënêr, ënêr), изъ примѣра hirmin, hërmin, наряду съ irmin, ërman, — Древне-Сѣвер. iörmun, Анскс. ëormen (Grimm., D. Gr., I, S. 324 и 2-е прим. къ ней). Приведемъ въ подтвержденіе этому Гриммову положенію руническіе случаи, думая этимъ оправдать и вообще то довѣріе, съ которымъ мы къ нимъ относимся: на руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ собственное имя Jurtr (Dietrich, l. l., S. 199) = Jiurtr вмѣсто Hiurtr, Jarthan вмѣсто harthan (Ibidem, S. 214). Мы вообще предпочитаемъ второе объясненіе и въ силу его отождествляемъ слогъ *Ga* Сѣвернаго имени слогу Ꙗ Лавр. рукописи въ имени Ꙗктꙗгъ. Если взять дифтонгъ *au* въ соб. имени Haufthi и, произведенномъ отъ него, отечномъ или родовомъ Haufthing, то и онъ не можетъ быть препятствіемъ сближенію послѣдняго съ «Ꙗктꙗгъ», потому, во первыхъ, что удареніе въ этомъ Древнемъ-Сѣверномъ дифтонгѣ лежитъ на *a* (áu), во вторыхъ по тому, что между руническими видоизмѣненіями этого дифтонга встрѣчаются и усѣченія втораго его члена, какъ, на пр., Athvatr вмѣсто Authvatr (Dietrich, l. l., S. 224), ak, ah вмѣсто auk. Намъ возразятъ, можетъ быть, тѣмъ, что вѣдь гораздо болѣе такихъ руническихъ случаевъ, въ которыхъ отбрасывается первый членъ дифтонга (*a*) и остается одинъ второй (*u*). Вотъ нашъ отвѣтъ воображаемому противнику. Весьма рано появляется въ Древне-Сѣверной письменности смѣшеніе дифтонга *áu* съ смѣшаннымъ звукомъ *ö*. Изъ рукописей это смѣшеніе перешло въ изданія и вполнѣ господствовало въ изданіяхъ XVII — XVIII в. Образцемъ изданій въ этомъ родѣ могутъ служить изданія Перингскіолда въ концѣ XVII-го вѣка, чтеніе которыхъ, въ слѣдствіе этой и многихъ другихъ, подобныхъ, особенностей, весьма трудно. Правильному различенію обоихъ звуковъ положили прочное основаніе Біорнъ и Раскъ. Тоже смѣшеніе господствуетъ и въ рунахъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, не имѣя средствъ выразить смѣшанный звукъ *ö*, рѣ-

щики рунъ замѣняли его или однимъ *и*, либо прибавляли къ нему руну *i*. Въ послѣдствіи, съ введеніемъ Вальдемаровыхъ рунъ, когда недостатокъ восполнился руною *o*, то и прежнія обозначенія смѣшаннаго звука *ö* уступили этому послѣднему, болѣе свойственному смѣшанной природѣ звука *ö*. [1] Итакъ, рунические случаи съ однимъ *и* ни какъ не могутъ ослабить значенія случаевъ рунических съ однимъ *a* изъ дифтонга *au* ц, заключаемъ, послѣдніе остаются въ полной своей доказательной силѣ. Но довольно объ этомъ. [2]

Либіарь. Второй членъ этого сложнаго имени есть видоизмѣненіе Древне-Сѣвернаго B i a r n, столь часто употребляющагося въ сложныхъ именахъ, что весьма мало корней можно указать, употребляемыхъ для образованія сложныхъ именъ, не принимающихъ имени «biarn» вторымъ членомъ сложенія. Опущеніе окончнаго *n* оправдывается руническими случаями, каковы: b i u r, b i o r, b e i r (Dietrich, l. l., p. 349). Въ слогѣ *ли* мы видимъ корень формы дат. пад. мѣстнаго имени L ü (um) (Dietrich, l. l., S. 359), означающаго убѣжище, въ сложеніи, съ которымъ имя означаетъ «защитникъ жилища, берлоги, убѣжища».

Мутуръ Утинъ. Притяжательное Утинъ не долго насъ задержитъ. Въ руническихъ надписяхъ встрѣчается имя собственное мущины въ частомъ употребленіи—Utr (Dietrich, l. l., S. 56), представляющее, какъ разночтеніе, форму Uti (Ibidem). Мутуръ имя трудное для этимологическаго объясненія. Судя по притяжательному, и оно, вѣроятно, Сѣвернаго происхожденія. Корня указать не можемъ. Такъ какъ это имя, на сколько мнѣ извѣстно, въ Сѣверной Исторіи не встрѣчается, то, какъ неизвѣстное, оно было мало освоено и перешло въ нашъ списокъословъ съ Сѣверным окончаніемъ. Окончаніе на *ur* въ Древне-Сѣверномъ

---

[1] Примѣры см. у Дитриха l. l., SS. 224 — 231. О происхожденіи звука ö и o, его отношеніи къ фонетикѣ другихъ Нѣмецкихъ нарѣчій см. Гримма D. Gr., I, SS. 293 — 293.

[2] Послѣ этихъ подробныхъ доказательствъ можемъ безъ смущенія указать, какъ на описку въ Лаврентьевской рукописи, рядомъ дважды повторенное народное имя «Ятвяги» вмѣсто Ятвяги Никон. и Кёнигсб. списковъ въ слѣд. мѣстѣ (изд. Тимк. стр. 50): «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги» и пр.

нарѣчіи употребляется неорганически вмѣсто окончанія *ar* (= r); akur вм. akr (изъ akar). Это *ur* господствуетъ во всѣхъ старыхъ изданіяхъ. Съ Біорна и Раска стали правильно различать этѣ производящія гласныя. Примѣромъ ихъ стараго употребленія могутъ служить часто упоминаемыя изданія Перингскіолда (cf. Grimm, D. Gr., I, SS. 651, 658; III, S. 507 — 508 et passim). Но слышно ли было это смѣшеніе еще и въ X-мъ вѣкѣ?

Адунь (купецъ). На основаніи разъясненій, въ которыя насъ вовлекло толкованіе имени Явтягъ, и именно на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ двогласной *au*, мы производимъ имя Адунь отъ Древне-Сѣвернаго имени Audun. Это имя встрѣчается, на пр., въ Laxdaela saga, p. 162 (въ род. пад.): (Annar son) Audunnar (hét Thorgrímr hærnkollr); p. 230 (въ имен. пад.): (skip stód uppi í Biarnarhöfn, er atti) Audun (festar garmr); въ Orkneyinga saga p. 302: Audun (hinn Raudi). Но рождается вопросъ объ отсутствіи признаковъ перегласовки по вліянію *u* въ образовательномъ окончаніи *un*. Разрѣшается онъ весьма просто: *un* здѣсь также неорганически употребляется вм. *au*, какъ и *ur* неорганически употребляется вмѣсто *ar* (= *r*), а неорганически возникшія, образующія гласныя не перегласовываютъ гласную предшествующаго имъ слога (cf. Grimm, D. Gr., I, SS. 651, 658, II, S 158). И, дѣйствительно, на руническихъ надписяхъ мы встрѣчаемъ древнюю форму этого соб. имени authan въ разночтеніяхъ.

Алдань, вѣроятно, притяжательное отъ Алданъ, встрѣчаемаго въ томъ же договорѣ на шестомъ отъ конца мѣстѣ. Г. Миклошичь справедливо слагаетъ его съ Сѣвернымъ собственнымъ именемъ «Halfdan» (у Саксона еще «Haldan»). О выпускѣ гортаннаго придыханія въ началѣ передъ гласною мы уже говорили. Въ сагахъ это имя попадается часто. Изъ руническихъ надписей мы можемъ извлечь форму, весьма близкую къ той, въ которой оно занесено во Временникъ Нестора. Вотъ руническіе случаи: Alfntan, Alfton, Halften, Haltan. Если мы на послѣднее разночтеніе (опускающее *f*, какъ Саксонъ) перенесемъ черту перваго и 2-го (выпускъ горт. прид.), то получимъ форму Alton, гдѣ *t* замѣняетъ *d*, по недостатку послѣдней руны въ руническомъ алфавитѣ, или, слѣдовательно, Aldan.

Иггивладъ. Предположимъ ли мы, что переводчикъ договора руководствовался Греческою правописью подлинника въ написа-

ніи этого имени, на основаніи удвоеннаго г—гг, вмѣсто иг, или иъг? Нѣтъ, это уединенное данное недостаточно! Всего естественнѣе и ближе то предположеніе, что одинъ изъ писцовъ употребилъ это удвоеніе, привыкши употреблять его при переписываніи произведеній духовной литтературы. Сѣверная этимологія этого имени насъ долго не задержитъ. На руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ имя Jnkvalr, съ разночтеніями Inkivaltr, Inkihvaltr, Ihvaltr и пр.

Инъгельдъ — Игельдъ, имя, которымъ наполнены Сѣверныя саги. Въ руническихъ надписяхъ также встрѣчается оно, — и замѣчательно, что и руническія надписи пишутъ начальный слогъ весьма часто безъ *n*, именно въ отношеніи 4: 4: Inkialt (acc.), Inkialti, Ingal, Inialt: Ikialtr, Igialtr, Ikialt, Ikalt.

Стиръ. Слигаемъ это имя съ Древне-Сѣвернымъ именемъ Stur, ибо произношеніе его коренной гласной не было чистое *u*, а *ü*, или *y*, руной котораго звука она и стала обозначаться со введеніемъ пунктированныхъ Вальдемаровыхъ рунъ, давшихъ возможность болѣе точныхъ обозначеній оттѣнковъ въ произношеніи гласныхъ, какъ это ясно изъ начертанія сложнаго stürkair. Припомнимъ также исконное смѣшеніе *y* съ *i* въ Древне-Сѣверной правописи.

Гомолъ—въ древнихъ руническихъ надписяхъ встрѣчается, какъ имя собственное мущины, въ формѣ Kamal, по отсутствію въ нихъ *g*, а, съ появленіемъ Вальдемаровыхъ рунъ, встрѣчается gamla (въ род. пад.).

Фудри. Сличаемъ съ собственнымъ именемъ Futr, встрѣчающимся на руническихъ надписяхъ, воспринятомъ въ Несторовомъ ономатикѣ съ окончаніемъ именительнаго падежа (Dietrich, l. l., S. 4).

Адулбъ, — на основаніи данныхъ, изложенныхъ при производствѣ имени Явтягъ, касающихся усѣченія втораго члена дифтонга *áu*, сличаемъ съ Сѣвернымъ собственнымъ именемъ Audhulfr, Англос. éadwulf, согласно съ г. Миклошичемъ (Nestor, I, p. 188).

Гунаръ, имя собственное, личное, извлекаемое изъ притяжательнаго Гунаревъ, и Гунастръ. Первое имя представляетъ простое образованіе gud, или gudar (битва), имѣющее прямое себѣ соотвѣтствіе въ формѣ kunnar, попадающейся въ руническихъ

надписяхъ (Dietrich, l. l., S. 115). Ничто не побуждаетъ видѣть въ этомъ сложнаго имени Gunn-harr. Въ сложномъ имени изъ этого простаго, Гунастръ, г. Миклошичъ видитъ Скандинавское сложное Gunnfastr. Не находимъ побужденій возражать.

Емигъ. Сличаемъ это имя съ Скандинавскимъ Himinkr (*k* вм. *g*, по отсутствію рунич. знака для послѣдняго звука) Для выпущенія въ произношеніи гортаннаго придыханія въ началѣ, кромѣ вышеприведенныхъ основаній, указываемъ на варіанты Amikr, гдѣ *a* обязано своимъ присутствіемъ несовершенству рѣщиковъ, ибо большинство случаевъ указываетъ на гласную *i*, обратившуюся въ *e* съ появленіемъ Вальдемаровыхъ рунъ, восполнившихъ недостатокъ знака для посл. звука, отличая его отъ *i* точкою по срединѣ (Dietrich, l. l., S. 175). На этихъ основаніяхъ считаемъ себя въ правѣ изъ Amikr, возстановить Emigr, безъ признака именит. пад. Emig, форму, тождественную Несторовой.

Акунъ (нети Игоревъ) — сличаемъ непосредственно съ Сѣвернымъ собственнымъ именемъ Akun, представляющимъ разночтеніе къ Hacon (Dietrich, l. l., S. 180).

А. Дювернуа.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книжный магазин издательства „Советский писатель"
Цена
№

8